

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПО СЛОЖИВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Событие первое Знал бы, где упасть...

1

Село, о котором пойдёт речь, было большое и перспективное, располагалось на берегу красивой реки, в окружении непроходимой тайги и, несмотря на мрачное название Пожарище (когда-то давно, ещё в деревянном исполнении, оно выгорело дотла), имело ряд магазинов, парикмахерскую, бытовое обслуживание, большую птицефабрику «Петушок – золотой гребешок», которая в свою очередь имела скотобойню, и на её балансе стояли: школа искусств, детский сад, общеобразовательная школа и Дом культуры. И, конечно, в селе имелась местная администрация, которая, кроме налогоплательщиков, не имела ничего. Здание её почему-то располагалось поперёк улицы. Но мы не будем заходить туда, речь пока не о ней, а о той самой птицефабрике и скотобойне.

Птицефабрика расширялась и в скором времени должна была перерасти в племенной репродуктор республиканского значения, а ското-

бойня, соответственно, в комбинат по переработке мяса птицы. В общем, учитывая всё это, село неуклонно стремилось передовым отрядом ворваться в коммунистическое общество, и поговаривали, что его скоро переименуют, бумаги уже были направлены в Москву. Будет оно якобы называться Путь к коммунизму. Но дальнейшие события перевернули всё, отбросив птичье производство на второй план и выдвинув на первый ту самую администрацию, в которую мы заходить не стали.

В стране началась ПЕРЕСТРОЙКА, бывший комбайнёр с подачи огромного количества демократов, собравшихся во Дворце съездов, стал лидером Великой Страны, а кому, как не капитану корабля хлебных полей, с мостика видна вся необъятная ширь этой, с позволения сказать, ГРОМАДИНЫ. Одно только было не совсем удобно, а именно: с комбайна нужно было пересестись на паровоз, который всегда у нас стоял на революционных рельсах. И комбайнёр, окрылённый доверием такого большого количества демократов, взял и пересел и под революционную песню «Наш паровоз вперёд летит, в комму-не остановка...» так разогнал этот паровоз, что он, не доехав до коммунизма довольно длинный отрезок пути, неожиданно свалился с рельсов и разбился вдребезги, раскидав все четырнадцать

*. Журнальный вариант.

вагонов в разные стороны. Конечно, он не учёл того, что паровоз – это не комбайн, который идёт медленно по широкому полю и с его мостика всё далеко видно. А паровоз, наоборот, мчится быстро по узкой колее, и на дорогу глядеть некогда, нужно бросать в топку уголь. И всё же виноват был не один машинист, так как в каждом из вагонов сидел свой вагоновожатый, потихоньку расшатывая сцепки...

Вы спросите: «А при чём здесь местная администрация?» Отвечаю: да при том, что она-то, бедная, в конечном итоге пострадала больше всех. Так как в стране начался хаос, каждый старался хапнуть всё, что плохо лежит, и птицефабрика стала приходить в упадок. Новый директор Хапугин понял, что если он будет содержать котельную, детский сад, школы и клубы, то ему самому утащить будет нечего, и добился в области передачи всех этих объектов сельской администрации. Поговаривали, что в области у него была лохматая рука, которую он периодически смазывал. Глава администрации Тихонина, привыкшая жить тише воды, ниже травы, услышав о передаче объектов, тут же сбежала, и не куда-нибудь, а сразу за границу, где у неё оказались глубокие корни. Участковый милиционер, поняв, что теперь нужно будет не только писать протоколы, а и наводить порядок на свалившихся на голову объектах, последовал её примеру, написавшись в командировку в Чечню. От чего раньше категорически отказывался, мотивируя свой отказ выпадающей из пупка грыжей. Как оказалось, справка, выданная сельским фельдшером, была куплена за бутылку самогона.

Может, и не за что их осуждать и сетовать на их непартийное поведение, так как к тому времени многие партийцы смазали лыжи, прихватив с собой часть членских взносов. В общем, администрация осиротела, как и всё село. Лужи на дорогах стали шире и глубже, частный скот стал бродить по деревне, всё пожирая и стаптывая на своём пути, благо, что общественный скот к тому времени уже перерезали за долги и на смазку лохматых рук. Мусор лежал горами у общественных мест. И некому было указать начальствующим перстом на всё это безобразие.

А тут как раз подошло время московскому министерству рассмотреть вопрос о смене наименований населённых пунктов по всей стране. Когда дошла очередь до перемены названия села Пожарище в Путь к коммунизму, председатель местного собрания, нервно дёрнув головой, вспылал:

– Какой, к дьяволу, Путь к коммунизму? Забыть пора уже и про коммунизм, и про социализм. Наш путь лежит в Европу, навстречу капитализму.

Но членам комиссии то ли жаль было денег, затраченных на переименование, то ли лень было возиться с этим. Взяв за основу слово «забудьте» из речи председателя, добавили к наименованию села слово «забытый», и оно приобрело новое звучание, соответствующее текущему времени: «Забытый путь к коммунизму» Цементно-Шиферного района Энской области. И экстренной почтой это странное решение было доставлено в сельскую администрацию, но в связи с отсутствием руководящего эшелона возмутиться было некому и обжаловать данное решение тоже, а посему оно прочно обосновалось в этих краях. И как бы ни было печально, но и мне в дальнейшем придётся пользоваться этим наименованием.

2

Пётр Геннадьевич Леваков возвращался в район из областной администрации. Вы спросите: «Кто такой Пётр Геннадьевич?» Отвечаю. Леваков – бывший первый секретарь райкома партии Цементно-Шиферного района. Когда произошла катастрофа с паровозом, он быстренько переписал заявление в другую партию, демократическую либо ещё какую, и стал главой администрации всё того же района. Осуждать его за это не будем, тогда почти все переписывали какие-то заявления, некоторые неоднократно.

Настроение Петра Геннадьевича было ужасное. Он по старой привычке, сохранившейся от секретарской работы, поехал в областную администрацию чего-нибудь выпросить для поправки дел в районе, но областной администратор Михаил Борисович Кислый на его просьбы недоброливо ответил:

– Послушай, Леваков, ты зачем сюда прирёлся? Это тебе не обком партии и не старые времена. Меня самого взашей из Москвы турнули, чтобы я не попрошайничал. Нет у меня ничего для тебя, так что вали в свой район и выискивай внутренние резервы! – И ехидно добавил: – Тут тебе не там!

Пётр Геннадьевич вышел из обл администрации хмурый, как грозовая туча. Ни за что обругал шофёра, тяжело рухнул на сиденье автомобиля и, нахохлившись, как мокрая курица, всю дорогу от города вплоть до первого села вздыхал, иногда повторяя:

59

– Резервы, резервы, чёрт бы тебя побрал вместе с этими резервами!

А первое село на пути главы района как раз было с тем странным именем, которым его нарекли московские прощелыги. То есть Забытый путь к коммунизму. Это была боль Петра Геннадьевича. Проезжая по его улицам, он видел, что лужи всё увеличиваются и начинают зацветать, мусорные кучи возле учреждений разрослись до невероятных размеров. И работники их уже с большим трудом, на четвереньках, пробирались к своим рабочим местам.

– Чтоб вы провалились! – выругался Пётр Геннадьевич, видимо, адресуя эти слова сбежавшим – главе местного самоуправления и участковому.

Была и ещё одна причина, по которой так нервничал Леваков: в этом селе много лет назад родился он сам, а его матушка до сих пор жила здесь, и сыну при встрече было стыдно смотреть ей в глаза. За такое состояние родного села всю вину матушка складывала на неудавшуюся перестройку и на сына, считая его непосредственным участником этого безобразия.

Настроение Петра Геннадьевича окончательно испортилось, и он приказал шофёру остановиться у первого ларька, благо их теперь было полно, дал ему червонец и велел купить водку. Торопливо открыл бутылку, налил полный стакан и с лёту маханул до дна, глубоко затянулся сигаретой, услужливо прикурившей шофёром. Откинувшись на сиденье, почувствовал, как благотворное тепло и умиротворение растекается по его жирноватому телу. Вопреки ожиданиям его не развезло, и мысль с небывалой ясностью заработала в голове:

– Ну нет, не бывать тому, чтобы я не решил этот вопрос в ближайшее время! – восклицал его разгорячённый водкой мозг. – По-моему, Колотозов хвастался недавно тем, что у него отличный заместитель по производству. Без всяких указаний берётся за любое дело, и не было ещё случая, чтобы он его не выполнил.

«Кто такой Колотозов?» – спросите вы. И здесь никакой тайны нет! Отвечаю: Колотозов Павел Иванович занимал должность директора птицефабрики «Золотое яйцо» и был другом Петра Геннадьевича. Но, как говорится, друг другом, а табачок-то врозь, согласится ли он отдать такого ценного специалиста? На этом месте мысли Левакова стали путаться и, не преодолев наркотического воздействия спиртного, окончательно отключились.

Шофёр подъехал к дому матери своего шефа, взвалил его на плечо, он давно работал с Леваковым и знал, что шефа в таком состоянии жене лучше не показывать, чтобы не досталось и мужу, и ему самому. Мать, увидев сыночка в бессознательном состоянии, попыталась поднять его для принятия пищи. Но видя, что попытки тщетны, уселась рядом, сложив руки крестом на груди, и запричитала:

– Господи, прости его душу грешную, вишь, как умаялся с этой проклятой перестройкой!

Пётр Геннадьевич спал мертвецким сном, но во второй половине ночи ему приснились бродячие коровы, которые с остервенением раскидывали кучи мусора рогами, а огромный бык с красными от ярости глазами, грозно промышав: «Где внутренние резервы», ринулся на него. Леваков вскочил, безумный взгляд его метнулся по тёмной комнате, выискивая, из какого угла выскочит бешеный бык, но, поняв, что это всего лишь сон, вытер обильный пот со лба. Обрадовавшись, тихонько, чтобы не разбудить мать, пробрался на кухню и выхлебал целую кастрюлю щей.

3

60

Павел Иванович Колотозов сидел за столом в своём кабинете и пытался исполнять директорские обязанности, но в голову лезли иные мысли, совсем не связанные с его непосредственной работой.

Вчера он ездил в трест «Ни пуха, ни пера», который объединял все птицефабрики области, хотел поговорить с директором треста Мукомоловым за жизнь, так как не мог приспособиться к новым условиям управления производством без указующего перста партии. И очень расстроился, потому что заметил, что директора треста мало волнуют дела птицефабрик, а всё больше интересуется состоянием финансов в них и возможность изъятия этих финансов без составления отчётности.

«Всё понятно, грабить собирается, сволочь! – подумал Павел Иванович. – Хочет из треста в олигархи выпрыгнуть. Ну нет, с моего хозяйства он и копейки не получит!»

И с этими мыслями покинув кабинет директора треста, двинулся на своём «газике» домой, в посёлок Цементно-Шиферный, где на окраине располагалось его детище, птицефабрика «Золотое яйцо». Как вы понимаете, и ему не удалось объехать уже известное вам село Забытый

путь к коммунизму, а всё потому, что в этот район другого пути не было.

Павел Иванович брезгливо поморщился: «До чего же довели, паразиты, деревню, совсем недавно она была самой красивой в районе. А всё этот выскочка, Хапугин. И на птицефабрику он, поговаривают, попал по блату, якобы сам губернатор Кислый был его давним приятелем».

Поверить было можно, так как сам Хапугин постоянно к делу и по пустякам напоминал об этом, и ещё потому, что глава района Леваков его побаивался. «И всё-таки Леваков хоть и друг мне, но размазня, – продолжал думать он, – не может прижать распоясавшегося хапугу, который скоро обанкротит хозяйство, и полгода не может найти главу в этот Забытый путь, чтоб ему пусто было!»

На столе зазвонил телефон.

– Алё, Павел, привет, – раздался в трубке сильный голос Левакова.

– Привет, Петро, – пробасил Павел Иванович и подумал: «Лёгок чёрт на помине».

– Слушай, ты сильно занят? – продолжил разговор Леваков.

– Работы-то полно, да твои дела мне покоя не дают.

– При чём тут мои дела? – удивился глава.

– Да вот, ехал вчера по району, вижу, хозяина в нём нет.

– Ну ты в мои дела не лез бы, – отпарировал Пётр Геннадьевич, но, вспомнив, что Колотозов – член районной коллегии, имеет большой вес в области, и как раз, кстати, можно будет легче осуществить задуманное, миролюбиво просипел: – Вот и помоги, если ты такой умный. Я сейчас к тебе приеду, поговорить нужно, но только не в кабинете, давай выедем в лес, на нашу поляну.

Такая поляна у них была, на ней они обсуждали особо важные дела, сопровождая иногда эти обсуждения обильным возлиянием.

– Ты ничего не бери, я сам всё привезу, – добавил Леваков и положил трубку.

И по тому, что голос главы был вкрадчив и слегка взволнован, и по тому, что поляну собрался накрывать он, чего раньше никогда не было, Павел Иванович понял, что разговор состоится серьёзный.

Встретившись, пожали друг другу руки, Павел Иванович внимательно посмотрел в глаза Левакова, тот быстро отвёл взгляд.

«Понятно, сейчас выкинет какую-нибудь фортель», – подумал Колотозов и нетерпеливо потребовал:

– Ну давай выкладывай, что ты придумал?

– Ты бы уж, Павел, как-нибудь полегче, не гони коней, я всё-таки как-никак голова. Давай для начала махнём по сотке, как говорится, для связки слов.

Был июнь, погода стояла прекрасная, Павлу Ивановичу никак не хотелось омрачить день выпивкой, но раз уж съехались, деваться было некуда. Выпили коньячку, зажевали копчёной курицей, а как же, директор птицефабрики – и без курицы.

Леваков начал издалека:

– Ну ты, Павел, сам видишь, какая наступила тяжёлая жизнь, ни черта нет, последнее всё растаскивают, работать никто не хочет, на должности все плюют, хотят быть предпринимателями.

– Ты что, мне должность приехал предлагать, что ли? – иронизировал Павел Иванович. – Так у меня она отличная, и ничего другого я не хочу.

– Не перебивай, – обиделся Леваков. – Ты вот утром поддел меня, что я плохой хозяин, и я знаю почему – видимо, вчера ехал через этот чёртов Забытый путь к коммунизму. Я и сам вчера там был, с горя надрался, сегодня ещё в глазах синие огни, вот выпили с тобой – и полегче стало. Давай ещё по одной! – он знал, что Колотозов с каждой выпитой рюмкой становился процентов на пять добрее.

Выпили и закусили ещё, после чего Павел Иванович нетерпеливо спросил:

– Ну а я-то каким боком к твоему Забытому пути?

– Сейчас скажу. Ты только выслушай и не возмущайся, войди в моё положение. Я весь район перевернул в поисках кандидатуры на пост главы поселения и не могу никого подобрать, наотрез все отказываются. А тех, кто просится, и за версту в администраторы подпускать нельзя, там, правда, брать нечего, но они и стены растащат.

– И всё-таки не могу понять, от меня-то ты что хочешь? – нетерпеливо спросил Колотозов.

– Да не спеши ты, давай ещё по одной махнём, – предложил Леваков в надежде на окончательную и бесповоротную доброту своего друга.

Павел Иванович, уже слегка подогретый выпитым, предложение принял беспрекословно, выпили, зарызли куриной косточкой.

Пётр Геннадьевич, шкурой чувствуя, как добреет его товарищ, уже смелее пошёл в атаку:

– Павел, только ты можешь помочь мне в решении данного вопроса.

– Это каким же образом, взять шефство, что ли, над этим селом? Так у меня своего хватает.

– Да нет, шефства брать не нужно. Помнишь, ты говорил, что у тебя есть заместитель, который может без указки решать любые вопросы?

– Да ты с ума сошёл! – догадался Павел Иванович, в чём дело. – А я, по-твоему, что, без него должен сам по фермам бегать, он же, кроме того что заместитель, ещё и ветеринарный врач. А тут ещё директор треста какую-то хитрость задумал, олигархом хочет быть! А ты меня хочешь один на один оставить с этими проблемами? Ещё друг называется!

И, раздосадованный, отшвырнув зажатый в руке пустой стакан, двинулся к своей машине. «Вот дьявол, поспешил, недобрал, как видно, Павел доброты, надо было ещё по одной врезать», – горестно думал Леваков. Оставался последний козырь, он был постыдный, но делать нечего. Павел Иванович, как настоящий мужик, не переносил женских слёз (жена и, может, ещё две-три любовницы, зная об этом, вили из него верёвки при надобности). Вот этим и решил воспользоваться Леваков, он догнал уже садившегося в машину Колотозова и потянул его за рукав, тот хотел отмахнуться, но в последний момент обернулся и замер, по широкому лицу главы района катились две крупные, с горошину, слёзы. Павел Иванович растерялся, не переносил-то он женских слёз, а тут на тебе – здоровенный детина ревет. У него возникло двойственное чувство, одно было за то, чтобы как следует врезать по этой слезливой физиономии, другое, которое росло ежесекундно, подогреваемое выпитым коньяком, – непреодолимой жалости к приятелю. Второе победило. Он взял Левакова под руку, и они вернулись к насиженному месту. И, чтобы сгладить как-то чувство неловкости, выпили по полному стакану коньяка.

– Ну что ты нюни распустил? – миролюбиво пробасил Павел Иванович. – Мне и самому не по нраву беспорядок в этом Забытом пути. Едешь и думаешь, что сейчас свиньи, которые развалились во всех лужах, выскочат из них и перевернут машину. Но почему ты докопался до моего заместителя, у него и фамилия неподходящая для этой должности, какой-то Неугомонный, был бы Председателев или Бюрократов – другое дело.

– Самая что ни на есть подходящая фамилия! – вытерев слезу и чувствуя, что приятель постепенно сдаётся, выпалил Пётр Геннадьевич. – Туда и нужен как раз неугомонный чело-

век, там не придётся рукава жевать. Ну что, отдаёшь, а я тебе за это... – но, вспомнив, что в районе ни черта нет и дать при всем желании нечего, замолчал на полуслове.

В этот момент коньяк окончательно сделал Павла Ивановича добрым, и, не взяв ничего взамен, он сдал Неугомонного Петра Петровича, заместителя и ветеринарного врача, окончательно и безвозвратно. Приятели пожали друг другу руки, выпили ещё по стакану, спели «Реве та стогне Днипр широкий» и начали собираться по домам. Но если уважаемый читатель обладает крепкой памятью, то он должен помнить, что жена Левакова не терпела мужа в таком виде, и он, сев в машину и натянув тёмные очки, приказал вести его к матери, то есть в Забытый путь к коммунизму.

Людям, встречающимся на его пути, казалось, что глава внимательно смотрит в окно автомобиля на свои муниципальные владения, но Леваков, довольный исходом дела, умиротворенно спал и во сне видел, что он нашёл, в конце концов, эти проклятые внутренние резервы и так вцепился в них, что у него онемели руки.

Павел Иванович последовал его примеру, направился домой, но в отличие от приятеля, улёгшись дома в постель, долго не мог заснуть, обдумывая совершенный им поступок, а хмельные мозги отказывались окончательно домыслить его деяния. Он погрузился в тяжёлый сон. Ему снилось, что он с ветеринарной сумкой бегаёт по птицефабрике за крупным петухом, чтобы дать ему витамины, но догнать никак не может. И когда уже Колотозов, выбившись из сил, выронил из рук пакет с витаминами, петух вдруг остановился, обернувшись, прокукарекал: «Ну что ты натворил, куры-то теперь передохнут!» – и с размаху долбанул своего преследователя в темя.

Павел Иванович закричал и проснулся, липкий пот заливал его глаза, в ушах звенело, за окном брезжил хлипкий рассвет. Он вытер пот, натянул штаны и двинулся на птицефабрику, а вдруг что-то не так с курами, проклятый петух растревожил воображение директора.

4

И вот, уважаемый читатель, наконец-то настало время познакомиться с главным героем нашего повествования, то есть с Петром Петровичем Неугомонным.

Пётр Петрович был человеком среднего роста, достаточно широк в плечах и прилично упитан. Обладал живым умом, иногда умел мыслить

62

нестандартно и тогда получал замечание либо выговор: не мысли нестандартно без указания партии, так как она наш рулевой и честь и совесть наша. Лицом был приятен, женщинам, несомненно, нравился, особенно дояркам и птичницам, но предпочёл своё сердце отдать экономисту Вареньке. На птицефабрике «Золотое яйцо» он работал ветеринаром, отдавая, как говорится, всю душу курам, иногда и петухам, в зависимости от настроения. Как он думал, его безупречный труд удовлетворял Колотозова, так как тот сделал Петра Петровича своим заместителем и полностью доверял ему. Ан нет, как мы видим, доверие оказалось неполным, но бедный ветеринар пока об этом не знает, и мы будем молчать. Пусть эта печальная весть придёт к нему от других.

В тот день, когда Колотозов встречался с Леваковым, Пётр Петрович запряг в дрожки мерина Рыжку и двинулся в соседнее село Забытый путь к коммунизму. «Зачем, – спросите вы, – его туда понесло?» Отвечаю: да всё очень просто, по ветеринарным делам. У него кончилась вакцина, поэтому решил поехать к своему приятелю Тришкину, чтобы взять вакцину взаймы.

Приятель Тришкин очень обрадовался приезде Петра Петровича, купил ящик пива, и они, вспоминая студенческие годы, под пиво, которое иногда сдабривали водочкой, развели длительные дружественные разговоры, как говорится, дебаты. Но сколько не дебатировать, а всяким речам приходит конец, и новые на ум не идут, поэтому Пётр Петрович, погрузив в дрожки вакцину, дёрнул вожжи, и Рыжка засеменял в родной Цементно-Шиферный посёлок. А надо сказать, что путь-то был не близок – около тридцати километров, это не то что на машине: нажал на газ – и уже дома. А лошадка топ-топ, и всё как бы на месте. Но долго ли коротко – половину пути преодолели. И тут пиво начало проситься наружу, как раз место для его освобождения подобралось подходящее. Дорога спустилась под гору, впереди торчала такая же гора. Пётр покинул дроги и занялся естественным изгнанием лишней жидкости из организма. Что интересно, Рыжка, хоть он и не употреблял пива с водкой, начал подражать хозяину. И всё уже подходило к концу, как вдруг чёрная «Волга» вылетела из-под горы и понеслась прямо к виновникам естественного процесса.

Ты же помнишь, уважаемый читатель, что с поляны переговоров шофёр повёз Левакова к ма-

тери, в село Забытый путь к коммунизму, прямо навстречу Петру Петровичу. Встреча произошла в такой морально неприглядной обстановке.

Неугомонный остолбенел, «Волга» не лошадь, она так стремительно летела, что он не успел отвернуться. Ему показалось, что взгляд главы внимательно и с укором смотрит прямо на него, а Петру Петровичу ещё никогда не приходилось показывать непотребные места своего тела высокому начальству. Сердце ушло в пятки. Рыжка тоже, словно почувствовав неладное, съёжился и взбрыкнул. Мы-то с вами знаем, что Леваков спал, а бедные Неугомонный и Рыжка этого не знали!

Дальше они передвигались как в бреду и с трудом вспоминали потом, как добрались до дома, как Пётр распряг Рыжку, как, придя домой, отказался от ужина, на расспросы Вареньки не отвечал, всю ночь не спал, бродил по комнатам, повторяя:

– Я пропал, я пропал, какая же я скотина, не мог потерпеть! После такого конфуза как я буду жить в этом районе?!

Варенька так ничего от него и не добила, а он, лишь только забрезжил рассвет, пошёл на птицефабрику прощаться с курами и петухами, а может, с птичницами, кто знает.

63

В это время Колотозов, как мы помним, тоже пошёл на птицефабрику, чтобы убедиться, что с курами ничего не случилось, а заодно уличить приснившегося ему петуха во лжи. Проходя мимо первого попавшегося на его пути птичника, Павел Иванович увидел, что дверь помещения открыта. «Воры!» – первое, что пришло на ум, и он, взяв обрезок трубы, валявшийся у двери, двинулся тихонечко в птичник с твёрдым намерением ахнуть этой трубой вора по его бессознательной голове. Но, заглянув внутрь, замер, открыв рот от удивления. На полу сидел Неугомонный и, держа на коленях большого петуха, кормил его витаминами, по щекам его катились крупные слёзы. Петух был тот самый, что приснился Колотозову. Павел Иванович, убедившись, что петух не умеет разговаривать, а молча ест из рук ветврача, тихонько прикрыл дверь, бросил трубу и медленно двинулся в контору, размышляя по дороге: «Какая же тварь успела рассказать Неугомонному, что я его так подло попил?».

Пётр Петрович погладил ещё раз любимого петуха, вытер горючую слезу и тоже двинулся в контору, в отдел кадров, с твёрдым намерением

быстро уволиться и уехать подальше, к киргизам, например. Но по дороге заглянул на конный двор, чтобы проститься с любимым конём Рыжкой. И эта задержка все замыслы Петра Петровича свела к нулю.

Пока он гладил морду коня, в отдел кадров поступила депеша из районной администрации, которая предписывала ветврачу Неугомонному немедленно явиться к главе района Левакову Петру Геннадьевичу. Инспектор отдела кадров кинулась на поиски Петра Петровича, а он тут как и был, собственной персоной, и устремился навстречу ей. Услышав предписание, побледнел и хотел упасть, но инспектор была крепкой женщиной, подхватив ветврача за талию, прислонила его к стенке.

«Не успел», – горько подумал Пётр Петрович и, понутив голову, пошёл запрягать Рыжку.

5

Приехав на административную площадь, Неугомонный убедился, что районная бюрократия не спит, кругом стояли чёрные и белые «Волги», УАЗы в новом исполнении, под названием «Патриот», что уличало их в бессовестной лжи, так как это слово выведено крупными английскими буквами и было ясно, что для России они уж точно не патриоты. Машины презрительно взирали своими вылупленными фарами на Рыжку, на что ему было глубоко наплевать.

Пётр Петрович же, опустив голову, как подневольный рекрут, стал медленно подниматься на второй этаж, где располагался кабинет районного главы. Открыв дверь в приёмную, он увидел районного начальника милиции Михаила Михайловича Горохова, который, как видно, только что вышел из кабинета Левакова. Лицо Горохова было потным, руки тряслись, ноги подкосились, и он, не имея сил идти дальше, упал на стул, а секретарша Лидочка отпаивала его водой.

Пётр Петрович поздоровался со всеми. С Гороховым – за его трясущуюся руку. Они были знакомы довольно давно и близко, их связывала общая тайна, и об этом нельзя не рассказать, в надежде на то, что вы её сохраните тоже. Однажды птицефабрику ограбили, и Неугомонный обратился в районную милицию, непосредственно к начальнику, надо сказать правду, не всегда милиция бездействовала, уже через несколько часов украденные яйца вернулись на прежнее место, а воры оказались в КПЗ.

Горохов лично сопровождал похищенное. Пётр Петрович, обрадованный таким исходом дела, решил отблагодарить начальника милиции. Пригласил его в свою ветеринарную аптеку, где у него в заначке стояла литровая бутылка спирта. Горохов по сравнению с Неугомонным выглядел как Илья Муромец в сравнении с Алёшей Поповичем, но это было не главное. А вот как он умел пить и закусывать, на это нужно было посмотреть. Спирт девяносто шести градусов он пил неразведённым и сразу по полному стакану. Если учесть, что Пётр Петрович на каждый стакан, выпитый Гороховым, выпивал один глоток, а через два часа бутылка опустела и три жареные курицы тоже были отправлены в утробу начальника милиции, то можно себе представить, в каком состоянии он был. Уже плохо соображая, Горохов, видимо, представил, что он на задании и командует взводом милиционеров. Выкрикивая команды, он выхватил пистолет и, размахивая им, стал метаться по аптеке, разбрасывая медикаменты и переворачивая муляжи органов животных, предназначенные для обучения животноводов.

«Всё, конец!» – подумал тогда Пётр Петрович и, закрыв голову руками, упал на пол.

К счастью, патронов в пистолете не оказалось, видимо, зная свой крутой нрав, милиционер на такие встречи их не брал. Вместе с милицким шофёром, который не принимал в попойке участия, Пётр Петрович кое-как усадил Горохова в машину, и тот покинул территорию птицефабрики.

Но на этом история не закончилась, рано утром Неугомонного разбудил телефонный звонок, в трубке послышался взволнованный голос:

– Пётр, мой пистолет у тебя?

– Нет, я к твоему пистолету не прикасался, – озадаченный таким вопросом, ответил Пётр Петрович.

– Ну всё, мне конец! – послышался в трубке уже плаксивый тон.

– Да подожди ты впадать в панику, приезжай, посмотрим в аптеке, куда он денется.

– Еду, – несколько бодрее выпалил Горохов.

Обыскали всё, пистолет как сквозь землю провалился, обессиленный начальник милиции повалился на стул, тяжело дыша. За потерянный пистолет можешь не только лишиться должности, но и загреметь по соседству ко вчерашним ворам. И тут его взгляд упал на безобразный муляж.

– Это что за гадость? – раздражённо спросил он.

– Это муляж детородных органов коровы, – кротко ответил ветеринар.

Горохов с отвращением взял эту штуку в руки, заглянул внутрь. И вдруг, радостно вскрикнув, хотел поцеловать муляж, но одумался, плюнул и, улыбаясь, вытащил из него пистолет.

Вот такой случай вспомнил Пётр Петрович, увидев в приёмной Горохова, и спросил:

– Что, опять потерял?

– Опять, – понуро кивнул тот. – Вот с работы выгоняют, к чёртовой матери. Так мне, дураку, и надо!

У Петра внутри всё оборвалось.

«Ну раз Горохова выгоняют, значит, и меня попрут из района, видимо, сегодня в администрации день такой, зачистка виновных идёт», – горестно подумал он.

И тут секретарша Лидочка пригласила Петра Петровича в кабинет Левакова, то есть на Голгофу, как подумал он.

6

Пётр Петрович трясущимися руками приоткрыл двойную тяжёлую дверь и, можно сказать, медленно просочился в образовавшуюся щель.

– Здравссти... – выдохнул он и, оглядев огромный кабинет, уселся на первый стул, стоящий у самой двери.

Расстояние между собеседниками было достаточно большое. Леваков хотел пригласить будущего коллегу поближе, но вспомнил, что устойчивый перегар от выпитого вчера коньяка ничем не удалось погасить, подумал: «Пусть сидит там, а то ещё подумает, что я пьяница».

– Здравствуй, здравствуй, Пётр Петрович, – хотел бодро провозгласить глава, но двухдневное угнетение организма спиртными напитками позволило этому организму лишь угрюмое сипение, после которого Неугомонный зябко съёжился.

Леваков решил не тянуть кота за хвост, а сразу приступить к делу:

– Ты в селе Забытый путь к коммунизму давно был?

– Да был как-то, – ещё на что-то надеясь, неуверенно прошептал Пётр Петрович.

– Понастроили ларьков, нажрутся водки и пива, а потом гадят где попало! – зло просипел глава, имея в виду общее состояние обсуждаемого объекта.

Пётр Петрович же принял этот неприглядный факт на свой счёт и тихо, почти шёпотом попытался оправдаться:

– Я не виноват, это всё Тришкин, давай да давай, а тут ещё пиво с водкой, вот и пришлось останавливаться на полпути. А Рыжка тоже не виноват, он ведь конь и, глядя на меня, непроизвольно...

«Что он там шепчет? – думал Леваков. – Под дурачка, что ли, косит? Вот Колотозов, паразит, решил меня провести, научил, видимо, этого архаровца, мол, представься дурачком, от тебя и откажутся. Ну нет, меня не проведёшь!» А вслух сказал:

– Я вот тут долго размышлял, где мне найти хорошего руководителя, чтобы без лишних указаний мог, проявляя инициативу, навести порядок в этом селе. И лучшей кандидатуры, чем твоя, не нашёл.

«Издевается», – подумал Неугомонный и вслух опять просительно пролепетал:

– Вы уж простите, Пётр Геннадьевич, я больше не буду!

– Хватит придуриваться! – гневно выпалил Леваков. – Эти ваши придумки с Колотозовым не пройдут, завтра увольняйся – и в село «Забытый путь», будешь там главой!

Пётр Петрович никак не мог понять, о каких придумках идёт речь, но то, что он получает новое назначение, до него стало доходить. Тут же от сердца отлегло, плечи расправились сами собой, и он заулыбался.

«Вишь, как власть-то любит», – подумал Леваков и ошибся. Пётр Петрович ненавидел партийно-профсоюзную и прочую общественную деятельность.

Реакция же на предложение была естественная: как же, человек шёл в кабинет в твёрдой уверенности, что его изомнут, размажут и выбросят за пределы данного района, а тут такой поворот.

Ещё толком не осознав происшедшее, он твёрдо сказал:

– Я согласен.

И, подумав, добавил: – А можно, я Рыжку с собой заберу?

– Ну вот и хорошо, – удовлетворённо сказал Леваков, – а то начал тут дурака валять, я замыслы Павла Ивановича сразу раскусил. А конь тебе там не нужен, в администрации «Москвич» имеется.

Но Петра Петровича весть эта не обрадовала, что ему был этот «Москвич», куча железа, а вот Рыжка – это настоящий друг.

И лишь покинув кабинет, Пётр Петрович осознал, куда он засунул свою несчастную голову. Рыжка тоже, почувствовал неладное и понуро опустив голову, не спеша двинулся в сторону птицефабрики. С горя ветврач завернул к пенсионерке Лукинишне, у которой недавно кастрировал боровка, и выпил кружку самогона.

Павел Иванович, узнав, что Неугомонный дал согласие, открыл сейф и, налив стакан водки, опрокинул его в широко раскрытый рот, видимо, тоже с горя, что лишился ветврача.

Пётр Геннадьевич, тоже открыл сейф, достал бутылку коньяка и, налив полный стакан, опрокинул его в широко открытый рот, видимо, с радости, что удалось так хитро провернуть задуманное. Но вспомнив, как он унился перед Павлом Ивановичем, пустив слезу, налил ещё полстакана и отправил его вдогонку за первым, видимо, от стыда.

И они не сговариваясь, все трое, одновременно произнесли в сердцах:

– Чтоб он провалился, этот Забытый путь!..

Но это было сказано от обиды и никак не со зла, так как каждый из них хотел, чтобы в этом селе высохли вонючие лужи, свиньи бы перестали бросаться под колёса, а бродячий скот нападать на «Волгу» главы района.

Событие второе Прощание

1

На следующий день все описываемые в первом повествовании действующие лица, несколько угнетённые выпитыми спиртными напитками, кто как мог избавлялись от остаточных явлений действия этих самых так называемых напитков. Глава района Леваков Пётр Геннадьевич ночевал у матушки, она же опять сварила вкусный борщ. Вот он-то, съеденный в объёме полуведёрной кастрюли, помогал Петру Геннадьевичу справиться с этими вредными остаточными явлениями.

Павел Иванович Колотозов выпил десять больших чашек кофе, однако от паршивого настроения не мог избавиться никак.

И лишь одна Варенька, жена Петра Петровича, узнав всю горькую правду о случившемся, налила большую кружку огуречного рассола и, пока её Петенька пил этот божественный напиток, сочувственно гладила его по взлохмаченной голове, нежно шептала на ухо:

– Ничего, друг мой, мы с тобой нигде не пропадём, я за тобой хоть на край света!..

И то ли рассол, то ли сказанные слова любимой жены благотворно подействовали на одурманенную вчерашним самогоном голову Петра. Она просветлела, сердце стало биться ровно, и Пётр Петрович почувствовал, что с такой женой ему и правда море по колено.

Пётр Петрович допил рассол, нежно поцеловал Вареньку, окрылённый её словами, уверенно двинулся в контору птицефабрики, чтобы получить расчёт и проститься с товарищами по теперь уже прошлой работе. На конный двор он решил пока не заходить, подумал: «Пока пока расчёт, перегар может и выветриться».

Прежде всего он зашёл в кабинет директора Колотозова Павла Ивановича. Тот сидел угрюмый, но при виде Петра Петровича лицо его несколько просветлело, а вот в глаза своего зама, чувствуя свою вину, он посмотреть не смел. Но как-то так само по себе случилось, постепенно разговорились, как в прежние времена, и стало ясно, что всё произошло по стечению непредвиденных обстоятельств. Пока шли прощальные переговоры, секретарша оформила все необходимые документы для перевода на другую работу ветеринарному врачу Неугомонному Петру Петровичу. Вручая их, сочувственно вдохнула, то ли она жалела, а может, как и птичницы, втайне любила его, что, в общем-то, почти одно и то же – нам это неизвестно, да и не обязательно знать.

На прощание директор наговорил массу добрых слов своему бывшему заместителю, что убедило Петра Петровича поверить в то, что он действительно был дорог Колотозову, так как тот ещё никогда и никому не говорил столько лестных слов. В конце разговора Павел Иванович позвал своего шофёра и наказал отвести Неугомонного до пункта нового назначения.

Но тут растроганный таким обращением Пётр Петрович понял, что в эту минуту ему ни в чём отказа не будет, попросил:

– Павел Иванович, а можно я для поездки возьму мерина Рыжку ?

Обрадованный тем, что хоть что-то может сделать доброго на прощание для своего, как оказалось, любимого заместителя, Колотозов с радостью выпалил:

– Конечно, если хочешь, можешь вообще оставить его себе, пусть это будет тебе премия за хорошую работу.

Уважаемые читатели, вы бы видели, как обрадовался этот самый мерин Рыжка, каким-то чутьём догадавшийся, что разлука с другом откладывается на неопределённое время. Глаза его сияли, он, простив запах перегара, облизал своим шершавым языком лицо Петра... Для него он был просто Пётр, без всяких отчеств и званий.

Событие третье Любовь к научному коммунизму

1

Пётр Петрович запряг Рыжку в дроги и двинулся к новому месту назначения. День был солнечный и, несмотря на плохое настроение Петра, прекрасный. Слушая ровный цокот копыт, пригревшись на солнышке, Пётр Петрович постепенно успокоился, мысли о прошлом потекли широкой рекой.

Почему в любом учебном заведении либо на службе ему обязательно навязывали общественные поручения? То ли потому, что он был довольно общителен и быстро находил ответы на многие вопросы. То ли лицо у него было такое, что доверием его невозможно было обойти. То ли и то и другое, вместе взятое. Ну, в общем, не суть важно, а выполнять поручения было нужно, и он выполнял их по-своему, иногда вразрез с мнением руководства.

В шестом классе его избрали на совете пионерского отряда редактором стенной газеты, так как он неплохо рисовал. И в первом же номере нарисовал Ирочку Иванову. На одной карикатуре – с большими ушами, примкнутыми к замочной скважине, на другой – с длинным языком, которым она на ухо классной руководительнице доносила очередную клевету. А поскольку классной руководительницей была её мать, Петю Неугомонного понизили в должности, он стал простым членом редколлегии.

В ветеринарном институте его неожиданно избрали старостой общежития. Хотя он был лишь второкурсником. И, как ни странно, он нашёл общий язык со всеми, в общаге был порядок. Неприятности начались позже, когда Пётр Петрович приступил к трудовой деятельности, то есть был назначен ветеринарным врачом фермы № 2 совхоза «Бессеребряный» села Орловки Чудовского района.

Надо сказать, распределение в данное село ему не понравилось сразу. И не потому, что везде была непролазная грязь, даже не потому, что

ферма была заражена бруцеллёзом, а по двум другим причинам. Первая: единственным развлечением в селе (не считая деревянного полуразвалившегося клуба) была пьянка. В праздничные дни скотники и доярки, загуляв, по два-три дня не выходили на работу, и тогда приходилось коров кормить вдвоём с бригадиром. Когда выходили на работу доярки и скотники, в запой уходил бригадир, и тогда приходилось уже работать за него.

Вторая причина – это конкуренты. Их было двое: санитар Берегуля Афанасий Семёнович, он окончил, видимо ещё до революции, месячные курсы коновалов и считал себя докой в ветеринарном деле. И Анна Филипповна Бенедиктова, она имела уже более устойчивую квалификацию, окончила полугодовые курсы санитаров.

И бог бы с ними. Санитары, конечно, необходимы, но дело в том, что между ними и Петром велись жестокие битвы за оказание помощи животным частного сектора.

Лечение проводилось соответственно знаниям и опыту. И получалось так, что после многих лечебных мероприятий все прибегали к Петру Петровичу, ему потом приходилось долго лечить этих животных. Но что самое странное, так это упорная тупость местного населения, люди почему-то сразу не обращались к ветврачу, а бежали к нему лишь доведённые до отчаяния горе-лекарями. И в конце концов, ему это надоело. После очередной неудачной операции, проведённой Афанасием Семёновичем, Пётр Петрович на вызов не пошёл. И животное отдало, не знаю кому, но отдало душу.

Петра Петровича за этот случай начальство пожурило слегка, но в общем поступок признало правильным. А население с тех пор, кроме как Петра Петровича, никого признавать не хотело, даже если это был самый главный ветврач района. А что же конкуренты? А они, потеряв спрос на свою деятельность, забыв распри между собой, объединились и начали вынашивать идеи мщения новому «светилу» ветеринарного дела.

2

Но первые неурядицы, понизившие авторитет Петра Петровича, всё-таки были не от санитаров. Подвела общественная деятельность. Как только он приступил к выполнению ветеринарных обязанностей, его немедленно пригласил к себе партторг совхоза «Бессеребряного»

Идейный Владимир Васильевич и задал несколько классических партийных вопросов:

– Товарищ Неугомонный, вы, надеюсь, член Ленинского комсомола?

– Да, – гордо ответил Пётр Петрович. Он внимательно и с большим удовольствием изучал в институте научный коммунизм и беззаветно верил в светлое будущее. Почувствовав решимость собеседника бороться до победного конца за идеалы коммунизма, парторг облегчённо вздохнул. Сама по себе фамилия Идейный предполагала зарождение огромного количества идей в его голове, но, к сожалению, он вынашивал лишь одну, до предела плоскую, и вытекала она из того, что он никак не мог найти человека, который бы возглавил комсомольскую ячейку фермы № 2 села Орловка. А тут вот он – готовый вожак передового отряда молодёжи.

– Вы имеете намерение вступить в ряды коммунистической партии? – был поставлен ребром следующий вопрос.

– Несомненно, давно мечтаю! – горячо воскликнул любитель научного коммунизма.

– Вот и хорошо, – обрадовался Владимир Васильевич, он всё больше проникался доверием к этому будущему коммунисту. – Вот тебе бумага и ручка, пиши заявление в кандидаты.

Он тут же пригласил присутствующих в конторе коммунистов, и они единогласно проголосовали за нового кандидата в их ряды.

– Поздравляю вас, товарищ Неугомонный! – торжественно произнёс он. – Но должен вам сразу сказать, что быть кандидатом – это не только почётное право, но и обязанность, связанная с воспитанием членов и укреплением веры в идею коммунизма.

– Я готов! – вскочив со стула, отчеканил вновь испечённый кандидат.

– Да ты сядь, – перешёл на «ты» парторг. – Начни с такого поручения: на ферме № 2, где ты работаешь, давно нет комсомольского вожака, вот и возглавишь передовой отряд будущих коммунистов, это и будет твоя кандидатская работа.

– Спасибо за доверие, товарищ Идейный! – обрадованно воскликнул Пётр. Пока он ещё не догадывался, что натуральные борцы за идею коммунизма не совсем такие, о которых написано в учебнике «Научный коммунизм»

– Да, вот ещё что, там твои две комсомолки тоже являются кандидатами в члены партии, ты присмотришься к ним, помоги выйти в передовики

производства. Их фамилии Окунёва и Ершова, обе – доярки.

– Хорошо, – коротко ответил Неугомонный и, воодушевлённый, двинулся на ферму.

Комсомольская ячейка села Орловка состояла из пяти комсомольцев: трое из них были трактористами и постоянно находились в поле, поэтому приходилось рано утром перехватывать их по дороге на работу, чтобы пронизать идеями светлого будущего. Но то ли оттого, что они не успевали отмыться от мазута, накрепко въевшегося в их головы, то ли от шума в ушах, который навсегда поселился там от рёва трактора, по их равнодушным лицам было видно, что проникновения идеями в их мозговом аппарате не происходит. Но просвечивалась на их лицах озабоченность другим, а именно тем, что если они займутся обдумыванием идей и не будут выезжать в поле, то строители коммунизма просто останутся без хлеба. А они, трактористы эти, твёрдо знали с детства, что ХЛЕБ – всему голова. Пётр Петрович и сам был трудяга, спал со штанами в руках, чуть что не так – он уже на ферме либо оказывает помощь частному владельцу.

Первое знакомство с Окунёвой и Ершовой посеяло массу сомнений в том, что ему удастся сделать из них не только передовых доярок, но и подтянуть показатели их труда хотя бы к среднему результату. Пётр Петрович судил о людях, обслуживающих скот, не по их внешним данным, а по состоянию скота. На то он и ветеринар.

Так вот, группа коров, обслуживаемая Окунёвой, отличалась сильной истощённостью организма, несмотря на то, что все коровы в коровнике получали одинаковые корма.

Группа же коров Ершовой отличалась своей неумытостью, то есть с головы до копыт они были грязные. И в то же время напротив группы её коров было вывешено множество вымпелов: «Победителю в однодневном соревновании», «Ударнику по ударному доению коров», «Лучшему из лучших» и тэ дэ и тэ пэ.

Своими сомнениями Пётр решил поделиться с бригадиром, который, к счастью, из-за отсутствия праздников был трезв и находился там, где и должен был находиться, в бригадном домике при ферме, строго озирая вверенное ему стадо крупного рогатого скота в окно.

– Василий Афанасьевич, – сказал Пётр, – а не соизволишь ли ты объяснить мне вот эти не соответствующие правильному содержанию скота моменты?

На что бригадир, понизив голос и оглядевшись вокруг, ответил:

– Поясню, конечно, с превеликой готовностью, сам весь извёлся по этому поводу. У Окунёвой коровы худые потому, что она три раза в день таскает домой по десять килограммов комбикорма.

– Так а ты что же, ничего не говоришь ей?

– Попробуй скажи, она тут же бежит жаловаться парторгу на то, что её кандидатские права нарушаются.

– А почему грязные коровы у Ершовой?

– А когда ж ей мыть их? Председатель профкома Производителей каждый обеденный перерыв и каждый вечер привозит новые вымпела, и ей приходится их завоёвывать.

Пётр Петрович с большим недоверием отнёсся к словам бригадира, потому что научный коммунизм иначе освещал поведение кандидата в партию, поэтому решил проверить всё сам.

В обед, когда доярки двинулись домой, Пётр пошёл вместе с Окунёвой, благо им было по пути. Со стороны печени у Окунёвой выпирала больших размеров опухоль.

«Никак цирроз, – сочувственно подумал ветврач, – и плечи-то как перекосило, бедная, как же она дояркой работает, а бригадир ещё про неё гадости говорит».

– У тебя печень болит, Окунёва?

– Болит, проклятушая, – сморщившись, ответила она.

– А что же ты в больницу не обращаешься?

– Так некогда, Петрович, у меня дома три коровы, кто ж комбикорм им будет та... то есть давать.

И вдруг на дороге перед ними возник ухаб. Пётр подхватил Окунёву под руку, чтобы помочь преодолеть его, и потянул на себя. И тут же вскрикнул от ужаса – печень Окунёвой гулко шмякнулась на грунт. Сомнения в словах бригадира по отношению к данной персоне рухнули, на дороге лежал увесистый мешок комбикорма. Пётр Петрович плюнул под ноги кандидатки и быстро зашагал в сторону дома Ершовой. Там он обнаружил «газик» профсоюзного лидера Производителя. В окно было видно, как он широко ходит по избе из угла в угол, размахивая новым вымпелом перед Ершовой, доказывая, видимо, как трудно было уговорить профком на вручение ей очередной награды. Походив некоторое время и осознав, что в ходьбе не может убедить Ершову в том, в чём хотел убедить, он швырнул её на кровать и улёгся

рядом, видимо, посчитал, что в таком положении легче будет доказать свою правоту. Но расстроенный Пётр Петрович не стал дожидаться конца диспута, плюнул ещё раз и твёрдо решил, что не позволит извратить постулаты научного коммунизма. Решил, что он изведёт негативные явления в своей комсомольской ячейке, и стал ожидать очередного партийного собрания, на котором Окунёву и Ершову будут принимать в партию.

На собрании он, разволновавшись, сбивчиво стал рассказывать и про печень, и про комбикорм, и про Производителя, который метался по избе и затем падал на койку. (Уважаемый читатель, не забудь, он ведь в первый раз выступал на партийном собрании.) Эффект был ошеломляющий.

Слово взяла доярка Зубова, коммунистка с большим стажем:

– Да как ты смеешь, щенок, позорить нашу партийную организацию! – шипела, как змея, она. – И кто тебе разрешил заглядывать в чужие окна? Подумаешь, председатель профкома прилёг на кровать, а может, он устал махать вымпелом перед Ершовой и прилёг. А может, ему плохо стало и она ему оказывала первую помощь. Попробуй-ка потаскайся по совхозу с этими вымпелами! Поневоле рухнешь, – свирепствовала со знанием дела Зубова, будто сама всю жизнь бегала по ферме с вымпелами.

Вторым выступил конюх Бурков, родной дядя Производителя:

– Ишь какая витинары пошли, печень от мешка с комбикормом отличить не могут! Гнать его в таком случае из совхоза надо, едри его пень! У человека печень вздуло до невозможности, а он со своим комбикормом пристаёт, не иначе самогону надрался.

– Я не пью, – попытался оправдаться Пётр Петрович.

– Ну тады тебе совсем оправданий нет, – не унимался Бурков.

В итоге решили, что гнать его рано, дали на первый раз устный выговор, чтобы отличал действительность от учебника.

На прощание парторг Идеальный предупредил:

– Если ты, Неугомонный, будешь и дальше так себя вести, кандидатский стаж не пройдёшь!

И всё же доброе зерно в этом деле тоже родилось, трактористы-комсомольцы поняли, что Пётр – настоящий мужик, и стали сами его перехватывать по утрам на дороге. Окунёва стала таскать комбикорм только один раз, в обед, и её

коровы быстро поправились, а Ершова помыла, наконец, своих животных и вышла замуж за Производителя (а куда ему было деваться после такого скандала). И коровы, вымытые до блеска, радостно мычали на их свадьбе. Все выпела молодожёны унесли к себе домой, диспуты проводили уже мирно, не швыряя друг друга на койку.

3

И вот, воодушевлённые тем, что их основной конкурент потерпел фиаско на комсомольском поприще, Берегуля и Бенедиктова решили его добить.

Пётр Петрович в то время не пил ещё спиртных напитков, мало того, он презирал тех, кто чересчур увлекался этим гадким, по его разумению, делом. Берегуля и решил разыграть эту карту.

Однажды Пётр Петрович оказывал помощь корове в отёле. А я уже выше упоминал, что ферма была поражена бруцеллёзом. И, естественно, ветврач, соблюдая все санитарные нормы, работал в перчатках. Афанасий Семёнович помогал ему. Когда телёночек увидел белый свет, санитар порвал снятую с руки перчатку Петра и истошно завопил:

– Ну всё, Петрович, если ты сейчас не произведёшь обеззараживание организма, обязательно заболеешь бруцеллёзом!

– Это почему? – заволновался ветврач, и как тут было не волноваться, уж кому, как не врачу, знать о последствиях этой заразы.

– Как почему? Ты же в дырявой перчатке работал! – И показал порванную перчатку.

Неугомонный от неожиданности забыл, что он всегда тщательно проверяет перед работой средства защиты и что перчатка точно была целая, тревожно спросил:

– Что же теперь делать?

– Выход один, внутреннее обеззараживание, – ликуя в душе, ответил санитар.

– Как это?

– Просто сто пятьдесят грамм этилового спирта внутрь – тогда уж точно всё будет в норме.

За спиртом далеко ходить было не нужно, его выдавали каждый месяц по двадцатилитровой канистре. Бутылка стояла тут же, на кухне в телятнике.

Быстро, пока Неугомонный не одумался, Берегуля набурил две третьих гранёного стакана девяностошестиградусного спирта и преподнёс ветврачу со словами:

– Быстро, промедление смерти подобно!

– Как, прямо вот так и пить? – ещё не хлебнув, уже сморщился Пётр Петрович.

– Нет, туды его в ребро, через трубочку! – сердито пошутил санитар.

Пётр Петрович никогда не пробовал чистый спирт и лишь примерно догадывался, что это такое. Но сложившаяся ситуация, подогреваемая санитаром, поставила его в безвыходное положение. Он, закрыв глаза и затаив дыхание, опрокинул содержимое стакана в рот. Дыхание спёрло, по горлу как будто кто процарапал большим гвоздём, из глаз полились крупные слёзы. Потом всё возвратилось на свои места, но ноги стали очень слабыми. Пётр Петрович присел на край большой квадратной ёмкости, в которой было разведено пойло телятам: смесь комбикорма с молоком и обратом. Затем мимо него медленно поехали стены телятника, санитаров сначала стало двое, а потом появились ещё двое. Стены ехали всё быстрее и быстрее, когда их скорость достигла того, что он не мог сосчитать количество санитаров, бежавших вслед за стенами, всеми уважаемый ветеринарный врач с дипломом о высшем образовании, комсомольский вожак Неугомонный Пётр Петрович опрокинулся в ёмкость...

4

Люди, столпившиеся у магазина, на некоторое время прекратив сплетничать, обратили внимание на лошадь, запряжённую в сани, на которых скотники возят навоз, но на этот раз на санях не было навоза, а прислонённый к их передку, восседал ветеринарный врач. И, хотя праздника никакого не было, в его фигуре усматривалась торжественность. Был лёгкий морозец, замёрзшие молоко с обратом и прилипшие к одежде звёздочки комбикорма напоминали о чужеземном Санта-Клаусе.

Идущий рядом с санями Берегуля, подёргивая вожжи, немедленно разоблачил тайну этого непонятного для простых людей заезда.

– Вот вам и непьющие! – орал он во всё горло. – Не пьют на свои, а на чужие как дорвутся, так, пока в помой не свалятся, не остановишь!

И хотя до дома, где жил Пётр Петрович, был прямой путь через переулочек, санитар вывез его на главную улицу и хотел ещё повозить по другим, но люди, уважающие Петра Петровича, не дали ему этого сделать. Бригадир Василий Афанасьевич отобрал вожжи и пристыдил наглого пройдоху:

70

– Забыл, как сам свалился в цистерну с патоккой!

Он отвёз Неугомонного домой и сдал с рук на руки расстроившейся Вареньке.

На другой день Пётр Петрович на работе не появился. Во-первых, опьянение никак не хотело отпускать. Варенька отпаивала его чаем, сварила хороший суп, всё бесполезно. Как только он подымался на ноги, проносившиеся мимо стены опять валили его на постель. Во-вторых, возвращающееся постепенно сознание напоминало, какому позору подверг себя Пётр. «Всё, надо куда-нибудь уезжать», – думал он.

К вечеру пришёл бригадир.

– Ну, живой? – с порога радостно загудел он. – А я тебе похмельиться принёс.

При упоминании о спиртном Петра передёрнуло:

– Ну уж нет, больше вообще в рот не возьму. Слышь, Василий Афанасьевич, я хочу уехать отсюда подальше, стыдно-то как, надрался вчера, но ведь иначе было нельзя.

– Да брось ты с отъездом, наоборот тебя в деревне больше уважать будут, а то далёк ты от народа со своими принципами. А что касается вчерашнего, так Берегуля уже всем растрепал, как он тебя обул. Да и не он всё это придумал, а Анна Филипповна, у него на это ума не хватило бы. С ним недавно тоже случай неприятный произошёл, за неделю до твоего приезда к нам. Хочешь, расскажу?

И, хоть Петру было не до рассказа, но, чувствуя, что бригадир всячески хочет поддержать его, он согласился.

– Так вот, привезли к нам на ферму пятидесятикубовую цистерну патокки, для повышения надоев у коров. Поставили между коровниками, чтобы скотникам ближе было её брать. На деревне как узнали об этом, все самогонщики по ночам на ферму ринулись, и двух недель не прошло, как патоку почти всю растащили, коровам меньше досталось, чем селянам. Остался в цистерне на дне слой сантиметров на восемьдесят. Иду я как-то утром рано на ферму, подхожу к коровнику и слышу, кто-то, как будто из-под земли, кричит: «Помогите, спасите!»

Перепугался я, не знаю, что делать, вроде не с похмелья был, чудиться ничего не должно было. А всё же страшно, пошёл я в коровник, сел в комнате отдыха, а вскоре и доярки со скотниками подошли. И они, вижу, тоже волнуются. «Ва-

сий Афанасьевич, ты ничего не слышал?» – спрашиваю.

«Слышал», – говорю, а сам думаю: «Слава богу, не одному мне послышалось, а то уж решил, что белая горячка настигла».

Пошли все на двор, слышим крик приглушённый: «Помогите, погибаю!».

Тут пошли разные догадки, один говорит: «В навозе какой-то дебил тонет».

Обошли все навозные ямы – нигде никого нет. Тут кто-то говорит: «Неужели кто на водокачку залез да в бак с водой свалился?»

Ползли на водокачку – никого, шестом обшарили дно бака – никого. Слезли, встали гурьбой, стоим, а из-под земли: «Спасите, помогите!».

Совсем растерялись, прямо наваждение какое-то. И тут появляется Фрося-лаборантка, а с ней собачонка маленькая, эта собачонка – прямиком к цистерне с патоккой и давай на неё лаять, бегаёт кругом и лает.

«Дык вот игде собака закопана!» – сказал сторож Митрич.

Ну кто бы мог подумать, что кого-то нечистая занесёт в эту цистерну. Да и как в неё попасть? И тут вспомнили, что на её верхней части есть крышка – люк очень узкий, как раз в человеческое туловище. Стало светать, обошли цистерну, стоит лестница. Понятно всё стало. Залезли два скотника наверх и заглянули внутрь – ничего не видно. Нашёлся фонарик, посветили: стоит человек, весь покрытый патоккой, увязший по пояс в ней, и рыдает. «Братцы, – значит, увидел, – спасите, помогите!»

Принесли две длинные верёвки, скинули вниз, человек обвязался. Начали тянуть, не тут-то было, засосала патокка и не отпускает. Залезли ещё двое, потянули, вроде пошло. Дотянули до люка, дальше не идёт, заглянули, а человек держит в руке ведро с патоккой, вцепился и не отпускает, ему говорят: «Отпусти!».

Всё бесполезно. Тогда один из скотников слегка тукнул его по голове, рука разжалась, и ведро хлопнулось вниз.

Когда спустили человека на землю, им оказался Афанасий Семёнович Берегуля. Стоит, с него медленно стекает сладость, а он плачет навзрыд. Спрашиваем: «Теперь-то чего рыдаешь, вытащили ведь?» – «Ведро с патоккой жалко, выходит, я зря там всю ночь проторчал!»

В общем, полез он за патоккой для самогона и сорвался в цистерну, повезло, что её там было мало, а то бы ты и не успел с ним познакомиться.

ся, – заключил рассказ Василий Афанасьевич. – Ну, ты похмеляйся-то будешь? – спросил он и, когда Пётр Петрович отказался, налил себе целый стакан, залпом опрокинул, закусил поданным Варенькой огурцом и направился домой, кинув на прощанье:

– Ну ты не дури, выходи завтра на работу, тебя люди уважают, всё простят.

5

На другой день Пётр Петрович рано утром огородами, чтобы ни с кем не встречаться, двинулся на ферму. Однако вскоре почувствовал, что его кто-то догоняет, деваться некуда, остановился, трактористы-комсомольцы улыбаются, рот до ушей:

– Ну что, Пётр Петрович, с крещением тебя! – И, видя, как тот смутился, успокоили: – Да ты не дрейфь, всё нормально, у нас тут и не такое бывает. Вот проведём уборку урожая, тогда уж вместе отметим.

И хотя Неугомонный дал зарок больше в рот не брать спиртного, но за такую поддержку обещал принять участие в обмывании урожая. К его удивлению, никто на ферме никаких шпилек в его сторону не выбрасывал, и он понял, что местное население если уж не считает такие события нормой, то и претензий никаких к их виновику предъявлять не собирается.

Однако до директорского кабинета парторг Идеинный данный факт донёс, приукрасив его настолько, что, казалось, прощения Неугомонному ни в коем случае не должно быть. Директор Медведев был тёртый мужик, сам иногда не прочь выпить, правда, в телячье пойло не падал, но, учитывая его средний возраст, утверждать того, что с ним этого не случится, нельзя. Жизнь, судя по его упитанному лицу, у него завтра не закончится.

– Ну-ну, ты, Идеинный, как всегда, приукрасишь, унизишь человека, тому хоть в петлю лезь. Не трогай его, человек старается, молодой, подумаешь, пойло, не в навозную жижу – и то ладно.

– Попомните моё слово, он ещё и не то выкинет, он ещё принесёт урон хозяйству, самое время от него избавиться, – не унимался Идеинный, видимо, никак не мог простить Петру Петровичу его выходку с кандидатами.

И урон действительно был нанесён, только не хозяйству, а опять же партийной организации совхоза. Случилось это через год после телячьего пойла.

Мы вместе с Петром Петровичем в своих воспоминаниях забыли представить тебе, уважаемый читатель, ещё одного персонажа. Это парторг местной партийной ячейки Чигряй Ольга Петровна. Но речь пойдёт не о партийной ячейке, а об огурцах, а именно огурцах в огороде Ольги Петровны. Ты спросишь, уважаемый читатель: «А при чём тут огурцы?». И я, не таясь, отвечаю: да при том, что Ольга Петровна любила огурцы до безумия, она, конечно, любила и партию, но иногда ей казалось, что огурцы она любит больше. В любом их виде: свежие, маринованные, солёные...

А для того, чтобы вовремя огурцы уродились, нужно что? Правильно, иметь теплицу. И Ольга Петровна по совету санитарки Анны Филипповны наняла за литр водки конюха, который привёз ей окна из коровника фермы. (Тот, кто работал когда-то на ферме, знает, что на летний период, чтобы их не спёрли, окна изымались и складировались в укромном месте.) И Чигряй, не задумываясь, потому что Анна Филипповна сказала ей, что эти окна лишние и никто искать их не будет, быстро соорудила вместе с мужем теплицу и вставила дверь, которую привёз конюх вместе с рамами, на двери была массивная цепь: повесила на неё замок – ни один тать не проникнет. Огурцы, конечно, уродились на славу, все односельчане завидовали ей.

Видите, как хорошо всё складывалось. До тех пор, пока животноводы не пригнали скот с летних пастбищ, чтобы поставить его в коровники на зимовку. Хватились, а окон нет. И животноводы гурьбой кинулись по селу на поиски. Бегают, шумят, а толку мало. Ну кто бы посмел искать эти окна во дворе партийного вожака? А Неугомонный вылупил глаза – и напрямик к дому парторга, глядь – теплица. И вроде ещё что-то очень знакомое. Присмотрелся – окна! Вот они, собственной персоной, выстроились в ряд и прикидываются теплицей! Ветврач через забор – и к рамам.

Тут Ольга Петровна его заметила и кричит:

– Ах ты, ворюга, куда полез?!

– Это ещё надо разобраться, кто ворюга! – кричит в ответ Пётр Петрович.

Дальше – больше, Чигряй никак не признаёт, что окна с фермы, да и как признать, позор-то сразу ляжет на местную партиячку, надо же, вожак нечист на руку! Кто-то позвонил Идеинному, тот захватил профорга Производителя (как будет видно дальше, зря) и во весь опор – в Орловку. Там столпотворение.

– Опять ты! – ехидно прошипел Иде́йный. – Проваливай отсюда! – Как видно, он уже был в курсе случившегося. – Ты чего прицепился к беззащитной женщине? Видишь, эти рамы не с фермы, они покрашены в разные цвета.

«Уже и до фермы успел доехать», – подумал Пётр, а вслух сказал:

– Покрасить можно в любой цвет, а другой фермы за тридцать километров не сыщешь.

– Отцепись, видишь, они на два миллиметра шире, чем на ферме, – не сдавал своих партийных позиций Иде́йный.

– Хорошо, давай будем мерить, – не унимался и Пётр.

– Товарищи, да он опять пьян! – выдал весомый аргумент Иде́йный.

И хоть все присутствующие давно поняли, что рамы с фермы и Неугомонный не пьян, но разве против плотных рядов партии попрёшь?

– Ладно, Пётр, пойдём делать новые рамы, – позвал бригадир Василий Афанасьевич, – плетью обуха не перешибёшь!

Но в это время к месту событий стали подтягиваться работники фермы, которые бродили по селу в поисках пропавших окон. Они, конечно, уважали партию и её лидеров, но очень не хотели, чтобы их любимые коровы болели маститом, поэтому, не вступая в переговоры, решительно двинулись к теплице, чтобы проникнуть внутрь и, разобрав её, вернуть рамы на исходные рубежи.

Но и представители партийного аппарата были не лыком шиты, они стремительно метнулись внутрь теплицы. Производителей накрепко завязал дверь висевшей на ней цепью. Если бы это сделал кто-нибудь другой, возможно, осаждённые и удержали бы свои позиции, но, увидев Производителя с цепью в руках, Пётр Петрович соединил в уме эти два понятия...

«Это же цепь и дверка из клетки быка-производителя Иртыша с нашей фермы!» – вспыхнуло в сознании ветврача.

– Хорошо, я вам сейчас докажу, кто прав, – бросил он и устремился на ферму.

Уж кому, как не ему, было знать, какая дверка и цепь в клетке Иртыша. Бык никого, кроме Петра Петровича, не подпускал к себе. Ветврач кормил его комбикормом и витаминами и следил за его санитарным содержанием. И Пётр Петрович знал, как бык ненавидит эту цепь, которая ограничивает его свободу, именно этим он и хотел выиграть неравный бой с парторганизацией.

Добежав до фермы, Неугомонный быстро запряг коня, насыпал в ведро комбикорма, поставил его на дрожжи и вывел Иртыша. Свирепый великан очень любил комбикорм и поэтому смиренно последовал за дрожжами.

Осада теплицы безуспешно продолжалась, когда Неугомонный, сопровождаемый быком, достиг, наконец, поля боя местного значения. Люди при виде быка быстро ретировались на безопасное расстояние. Пётр снял ведро с дрожжек и закрепил его на заборе так, чтобы Иртыш, поедая комбикорм, мог увидеть теплицу. Народ замер в ожидании ужасных событий. Осаждаемые, почувствовав недоброе, заволновались. Но ничего не происходило, бык, дорвавшись до желанной пищи, пожирал её, не подымая головы. Время шло, и работники фермы, удручённые поражением, начинали было расходиться, а осаждаемые осмелели и начали кидать в адрес Петра обидные реплики.

Докушав наконец-то комбикорм, Иртыш медленно поднял голову и посмотрел в сторону теплицы. Так просто посмотрел, безо всякого умысла. И тут его взгляд упал на ненавистную цепь и столько же нелюбимую дверку. Ноздри его расширились, глаза налились кровью, и он, как танк стволом, поведив рогами из стороны в сторону, ринулся к теплице, сломав при этом прочный забор, как спичку. Никто не успел заметить, как осаждаемые, выскочив из теплицы, оказались на крыше сарая, стоявшего невдалеке.

Иртыш неистовствовал. Разбив вдребезги дверку и далеко отшвырнув рогами цепь, он начал топтать грядки с огурцами. При этом умудрился не повредить ни одной рамы.

Члены коллектива осаждаемых, сидя на крыше сарайчика, при приближении бычка весом в восемьсот килограммов начинали неистово креститься, хотя в бога, очевидно, не верили, так как недавно провели диспут на тему научного атеизма, на котором твёрдо решили, что членам партии категорически не рекомендуется ходить в церковь. Но на диспуте не присутствовал бык Иртыш, а тут вот он, сарайчик хлипкий, не дай, опять, кто не дай? Естественно... не дай бог, этот сарайчик опрокинется – и всё, как говорится, хана.

– Уберите быка! – кричала руководитель партячейки. – Я признаю, что рамы эти с нашей фермы!

Но всё обошлось, Иртыш переусердствовал, он так яростно крутился на грядках, что накрутил

73

на себя огромное количество огуречной ботвы, запутался и, тяжело дыша, свалился на землю. Видя, что бык не может нанести вреда, обе противоборствующие стороны начали зачищать поле боя. Доярки и скотники, воодушевлённые победой, быстро разобрали теплицу и, высоко подняв отвоёванные рамы, торжественно удалились на ферму, где их ждали коровы.

Пётр Петрович размотал огуречную ботву с Иртыша, и тот, уставший, не видя цепи и дверки, спокойно и с достоинством последовал за дрожками, на которых, лукаво улыбаясь, восседал ветврач.

Идейный и Производителей, отдышавшись и уняв сердцебиение, помогли Ольге Петровне собрать оставшиеся огурцы, сели в машину и удалились восвояси.

На следующий день Петра Петровича пригласил к себе в кабинет директор совхоза Медведев.

– Ну что, Пётр Петрович, выкинул ты крендель, никакими зубами не разгрызёшь! Я понимаю, что в принципе ты прав, но против ветра... то есть против партии я пойти не могу, сам понимаешь, без работы останусь. Так что, как говорится, трудовую книжку в зубы – и свободен. Да, Идейный просил передать, он с тобой встречаться не хочет, что кандидатский стаж ты не выдержал, поэтому исключён из этих самых кандидатов.

Вот так закончилась эпопея с общественно-политической деятельностью Петра Петровича Неугомонного...

Событие четвёртое Профсоюзники – тоже люди

1

Пётр Петрович не мог ни минуты оставаться без работы и, получив в отделе кадров трудовую книжку, тут же бросился к телефону и начал звонить своему приятелю Тришкину, с которым когда-то учился вместе в институте. Тот работал ветеринарным врачом на птицефабрике «Петушок – золотой гребешок» и часто приглашал Петра перейти работать на любую птицефабрику треста «Ни пуха, ни пера».

И уже через неделю Пётр Петрович работал ветврачом куриного цеха на птицефабрике «Курочка Ряба». Петру сначала показалось, что он попал в рай, рабочий день был всего лишь восемь часов. Не нужно было спать со штанами в

руках, по тревоге никто не будил. Не нужно было делать родовспоможение курам, так как цыплята родились в инкубаторе. Не нужно было бояться бруцеллёза и конкурентов-санитаров. Нужно было лишь следить за соблюдением санитарного режима в корпусах и за своевременной дачей витаминов и других ингредиентов.

Но прошло недели две, и Пётр заскучал, для него этой работы было мало. Он начал метаться по птицефабрике в поисках дополнительной нагрузки и однажды попал на глаза директору Дикому Титу Владимировичу.

Тит Владимирович позвал к себе начальника цеха Лысого Александра Владимировича и задал прямой вопрос:

– Скажи мне, товарищ Лысый, а почему это ветврач твоего цеха товарищ Неугомонный мечется по птицефабрике в рабочее время, вместо того чтобы сидеть за отведённым ему столом и думать о повышении продуктивности кур-несушек?

– Уважаемый Тит Владимирович, ветврач Неугомонный привык в совхозе круглые сутки метаться и тут всё ещё не может остановиться. А думает он, в отличие от нас, на ходу.

– Ладно, иди на место, – сказал Тит Владимирович и подумал: «Надо к этому врачу приглядеться, как это – думать на ходу?»

Через некоторое время Тит Владимирович снова вызвал к себе Лысого.

– Ну что, товарищ Лысый, мечется ли ветврач Неугомонный по птицефабрике или перестал?

– Уважаемый Тит Владимирович, отвечаю без всякой утайки: мечется.

– А продолжает ли он думать на ходу и придумал ли он что-нибудь для повышения продуктивности кур-несушек?

– Думает на ходу, подлец, и придумал, продуктивность повысилась на двадцать процентов.

– И что же он придумал, умный человек? – спросил довольный директор.

– Придумал он проверять птичник, когда они уходят после работы домой, и изымать яйца из их сумок, а виновных в хищении лишать месячной премии. И вот результат налицо, как говорится.

– А почему же ты, сидя за столом, не додумался до этого, товарищ Лысый? Значит, думать на ходу гораздо лучше, чем сидя в конторе, – строго сказал Дикый и пригласил в кабинет инспектора отдела кадров.

– Скажи мне, инспектор, кем является по образованию товарищ Лысый? Ветврачом. Отлич-

но, пиши приказ. Поменяй местами Неугомонного и Лысого. С сего дня Неугомонный будет начальником цеха, а Лысый ветврачом, пусть и он помечется, может, и ему какая добрая идея придёт в голову на ходу. А Неугомонный, может, наконец, угомонится за столом начальника.

Так, сам того не подозревая, Пётр Петрович нажил себе врага своим метанием по территории птицефабрики.

И опять пролетел определённый отрезок времени. Казалось бы, пора привыкнуть думать сидя за столом. Но не такой был Пётр Петрович, он, как и прежде, продолжал метаться по птицефабрике, и иногда ему приходили в голову добрые идеи.

В одном из таких метаний он был замечен председателем фабричного профсоюзного комитета товарищем Зырянкиным, который тут же побежал к Дикому с предложением:

– Уважаемый Тит Владимирович, а не взвалить ли нам на Неугомонного общественную нагрузку по линии профсоюза? Глядишь, и в этой области ему придёт в голову хорошая мысль.

– А почему бы не взвалить, давай взвалим, – оживился Тит Владимирович. – А то в профсоюзных рядах чувствуется какой-то застой. Пусть он будет твоим заместителем по совместительству, то есть не освобождённым от основных обязанностей начальника цеха.

Трудовой коллектив птицефабрики на девяносто девять целых девяносто девять сотых процента состоял из членов профсоюза. А где же эта одна сотая потерялась? А потерялась она именно в цеху, возглавляемом Петром Петровичем. И этой одной сотой был слесарь-сантехник Волгогонов Василий. Все профсоюзники, а он один – нет. Какая-то ошибка. И с этой ошибки начал свою профсоюзную деятельность Пётр Петрович.

«Работает Василий хорошо, хищением продукции не занимался, не дебоширит и в пьянке замечен не был. В чём причина?» – думал вновь испечённый заместитель председателя. И начал активно пробивать путь Волгогонову в профсоюз, а как же иначе, всем профсоюзникам положены льготные путёвки на курорт, а Василию нет, всем скидки в столовой на пятьдесят процентов, а Василию нет.

И не знал Неугомонный причину, по которой слесарю-сантехнику не давали рекомендацию в профсоюз. Бывший начальник цеха Лысый знал, это он не давал рекомендации, но, затаив злобу на Петра, не сказал ему об этом, а наоборот под-

хвалял Волгогонова. И когда (уже по рекомендации Петра) Волгогонов был принят в тесные ряды профсоюза, вся его подлая сущность, глубоко затаённая внутри сантехнических мозгов, выплыла в один день наружу, не без помощи бывшего начальника цеха.

Оказывается, Волгогонов был несусветный пьяница и когда уходил в запой, мог натворить всё что угодно, не приведи господь тебе это видеть, а в данное время на пять лет закодировался, вот почему Петр и не видел его пьяным. Но так уж получилось, что как раз последний день кодирования совпал с днём приёма этого индивида в профсоюз. Лысый, зная об этом, подговорил другого слесаря, Сволочного Захара, чтобы тот предложил Волгогонову отметить два события сразу. «Профсоюзник?» – «Да!» – «Раскодировался?» – «Да!» – «Ну и поехали, чего тянуть kota за хвост». И этот новый профсоюзник Волгогонов, видимо, сильно соскучившийся по своему хобби, тут же, не отходя от сантехнических принадлежностей, согласился принять стопочку со слесарем Сволочным.

Ну а там, где стопочка, там и другая, третья, и пошло-поехало. Ехало-ехало, и вдруг у Волгогонова кончились деньги, а душа, измаявшись за пять лет, просит ещё. И так просит, что прямо некуда деваться, хоть в петлю лезь. Тогда поступило предложение:

– Слушай, профсоюзник Вася, вот если ты пройдёшь от слесарного цеха до проходной голый, зуб даю, куплю ещё литр водки, – глаголит слесарь Захар, не иначе Лысый научил.

И что ты думаешь, читатель? Вася обиделся? А вот и не угадал. Василий, и минуты не сомневаясь, скинул старенький комбинезон, оставшись в чём его родила мать, распахнул дверь слесарки и двинулся в сторону проходной, а это почти через всю фабричную территорию. Был обеденный перерыв, народ валом валил в столовую, где собирался откусать пищу за пятидесятипроцентную профсоюзную скидку. В их желудках уже закипал желудочный сок в предвкушении наслаждения от приёма творения рук столовских поваров.

И вдруг как обухом по голове – наперерез проголодавшимся профсоюзникам прёт громадный детина с гордо поднятой головой и совершенно голой фигурой, непроходимо обросшей волосами. Желудочный сок, обиженный таким зрелищем, перестаёт кипеть, а закипает уже возмущение. Правда, надо отметить, что такой процесс

75

происходил не у всех, некоторые смотрели с прищущим им одним только юмором, но находились и такие (из разряда птичников), которые взирали на данный театральный акт с удовольствием. Кончилось тем, что основная масса слесарей и птичник вместо столовой кинулась по своим рабочим корпусам, чтобы не видеть этого хамства, так и не отведав приготовленной для них пищи. Некоторые слесаря хотели начистить физиономию вновь испечённому профсоюзнику, но им стыдно было подойти к этому обезьяноподобному голому телу. Вызвали милицию. Пока доблестные опера ехали на птицефабрику, Волкогонов обошёл её территорию три раза. Но обещанной водки ему выпить не удалось. Опера его быстро скрутили и за неимением одежды упаковали в большой мешок, завязав верёвкой в районе пустой головы, в таком виде и доставили в КПЗ.

Кончилось это происшествие довольно прозаически: Василию Волкогонову дали пять лет лагерей. Сволочному Захару за подстрекательство – три года условно. Неугомонного за выданные рекомендации Волкогонову освободили от должности заместителя председателя и перевели в простого члена фабкома, а Лысый остался с носом, так как он надеялся на то, что Петра Петровича теперь снимут и вернут должность ему. Не вышло! Держи карман шире, товарищ Лысый!

2

Оставшись простым членом профсоюзного комитета, Пётр Петрович однако обороты активности не сбавлял и на очередном заседании предложил поставить на обсуждение вопрос: «О соблюдении санитарных норм на птицефабрике». Остальные члены его поддержали единогласно. Конечно, на территории этой самой куриной фабрики была идеальная чистота, в её корпусах – тоже. И это отчасти стараниями самого же Неугомонного. Но так как столовая находилась за территорией, в административном, как сейчас говорят, офисе (а попросту в конторе), то некоторые профсоюзники, чтобы не делать крюк через проходную, наделали дырок в заборе и бессовестно лазали через них туда и обратно. Были разные предложения.

– Давайте заколотим эти дыры горбылём, – внёс предложение один из членов.

– Это бесполезно, – не поддержал его другой, – уже забивали, только горбыль зря потратили, на второй день дыры зияли снова, да ещё и горбыль спёрли.

– Тогда давайте обратимся к совести наших профсоюзников, – сделал предложение председатель Зырянкин, – давайте напишем плакаты со словами: «Лаз для свиней» и развешаем их над этими дырками. Глядя на них, может, и пробьёт эта самая совесть членов нашего коллектива.

На том и порешили. Но Пётр Петрович, не надеясь на эту самую совесть, не посоветовавшись с остальными членами комитета, взял ведро солидола (если ты не знаешь, дорогой читатель, что такое солидол, поясню – им смазывают оси в дрожках, чтобы они не скрипели) и, вымазав густо им бывшие дыры, а теперь «Лазы для свиней», прикрепил прямо к солидолу бумажные ленты с напечатанным на них текстом: «Бог шельму метит». И всё бы было хорошо, но случилось непредвиденное.

На птицефабрику приехал директор треста «Птицепром» Мукомолов Юрий Иванович. И приехал он как раз поговорить об укреплении санитарного порядка, так как в соседней области вспыхнуло заразное заболевание кур. Все работники цеха собрались в бригадном домике и точили лясы в ожидании большого начальства. А начальство в это время наслаждалось трапезой в столовой птицефабрики. Плотнo пообедав, товарищ Мукомолов, поглядел на часы и с криком: «Ох, ё... , опаздываю!» – метнулся на территорию. Через проходную нужно было делать крюк метров двести, при его комплекции это будет потерянo ещё минут двадцать, и тут он увидел дырку в заборе. Быстро огляделся – никого – и юркнул в дырку, не обратив внимания на то, что это не простая дырка, а «Лаз для свиней». Хотя он был чрезмерно откормлен, но тем не менее на свинью похож не был, пока чуть-чуть не дотягивал.

Увидев приближающегося директора треста, все быстро заняли свои места, в надежде на то, что Мукомолов выдаст им рецепт спасения от надвигающейся из другой области беды. Он долго рассказывал о необходимых мерах и в том числе о санитарном состоянии. И когда дошёл до замечаний по обнаруженным нарушениям, после слов: «А у вас безобразные нарушения санитарии, в заборе зияют огромные дыры...», с его спины отвалился приличный ком солидола и громко шмякнулся на пол. Директор треста обернулся, увидел кусок бесформенной массы и ленту, на которой красовалась надпись: «Бог шельму метит».

Мукомолов хоть и был довольно ожиревшим, но догадка о том, что он попал в какую-то липкую

неприятность, быстро достигла его мозгов. Он, не подав вида, закончил свою речь и, распрощавшись с рабочими, двинулся к забору, где и разгадал тайну борьбы с нарушителями санитарного режима, но так как был испорчен его дорогой костюм, он не принял данные методы борьбы за основу и вклеил директору Дикому строгий выговор.

Но Дикий тоже не остался в долгу перед настоящим виновником происшедшего. Выяснив в конце концов, кто им является, он пригласил Неугомонного в кабинет и дал окончательное напутственное слово и по производству, и по профсоюзной линии:

– А не пошёл бы ты, товарищ Неугомонный, на все четыре стороны, то есть в трест «Птицепром» на перераспределение? И пусть дальнейшую твою судьбу решает Мукомолов. А здесь я тебя больше чтобы не видел! Ишь думает он на ходу! Думал бы за отведённым тебе столом, так, может, и не додумался до такой дури!

Вот так опять, теперь уже профсоюзная деятельность вылезла для Петра Петровича боком, поэтому-то Леваков глубоко был неправ, заподозрив его в большой любви к общественно-политической и административной деятельности.

Директор треста, может, и выгнал бы взащей своего обидчика, но в это время как раз на птицефабрике «Золотое яйцо» не стало ветеринарного врача. Почему не стало? А кто его знает, не стало – и всё тут! И Мукомолов подумал так: «Золотое яйцо» находится на самом севере Энской области. Кто туда пойдёт добровольно? Да и работник он вроде хороший, Дикий его всегда хвалил. И костюм мне профсоюзники новый купили. Поэтому, дьявол с ним, пусть валит к Колотозову, тот мужик строгий, у него не разгуляешься по территории со своими идиотскими идеями».

Вот так Неугомонный попал на птицефабрику «Золотое яйцо» Цементно-Шиферного района. И многих удивило, что они с Колотозовым быстро поняли друг друга, тот хотя и был крутой мужик, но умных людей уважал.

И надо же было такому случиться, что по неблагоприятному стечению обстоятельств на шею Неугомонного свалилась эта администрация села, чёрт бы её побрал, с одного раза и не выговоришь.

«Если всё будет нормально, обязательно переименую этот Забытый путь... И Павел Иванович при расставании об этом просил», – успел додумать Неугомонный.

И вдруг Рыжка встал как вкопанный. Пётр Петрович очнулся от своих воспоминаний, и мы, уважаемый читатель, оставим в покое его мысли. А умная лошадка как раз остановилась, упёршись в ограду администрации села Забытый путь к коммунизму.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Событие пятое Новое место назначения

1

Ограда администрации напоминала о недавно ушедшей сельсоветской роскоши, была сделана из добротного металла. Но в то же время её коснулась уже неотвратимая убогость свалившегося на село капитализма, вместо краски ограду покрывал толстый слой бурой ржавчины.

Здание действительно располагалось поперёк улицы, все дома стояли фасадом к дороге, а оно наваливалось на дорогу боком, как бы вприщип. Построено было из кирпича лет этак сорок назад, поэтому крыша его сгорбилась от старости, но стены снаружи возраста своего не выдавали.

Пётр Петрович, осмотрев внешний вид своего учреждения, задумался. Несмотря на то, что отношения с общественно-политическими организациями у него не складывались, жизнь его, несомненно, удалась. Он любил свою работу, любил жену Вареньку, своих детей. «Научный коммунизм»... Хотя и появились некоторые сомнения в здравом уме автора этой замечательной книги, но всё не так просто. И вроде люди жили бедновато: и зарплаты были невелики, и в магазинах взять было нечего, но зато жили дружно, строили новое, коммунистическое общество, ни черта в этом не понимали, но строили с большим энтузиазмом, не за рубль, а за совесть, как говорится. Обращались друг к другу: «Товарищ».

А что сейчас? А сейчас все стали господами, да ещё какими, все более-менее образованные люди стали никому не нужны, обнищали, а некоторые вообще стали бомжами. На поверхность выплыли наглые хамы, без образования и совести. Они, кто рэкетом, кто хамской хитростью, быстро завладев государственным имуществом и финансами, стали представителями нового класса – олигархов. Образовалось новое общество не пойми что: ни капитализма, ни социализма. Так – бомжово-буржуазный сброд.

Вновь испечённый глава, опершись на ограду своего теперь уже учреждения, глядел на обшарпанную дверь, в которой был прикреплен листок бумаги с пояснением, что это не что-то пустяшное, а «Сельская администрация села Забытый путь к коммунизму».

«Даже на нормальную вывеску денег нет, – горестно подумал Пётр Петрович, – а что уж говорить о благоустройстве села и других серьёзных затратах. Но ничего не поделаешь, взялся за гуж – не говори, что не дюж».

И, глубоко вздохнув, новый хозяин широко открыл дверь своего дворца законодательной и одновременно исполнительной властей.

2

Открывая дверь, он надеялся увидеть что-то такое, что ласкало бы взгляд посетителя. И увидел! Напротив открывшейся двери, через узкий коридор, бросилась в глаза покосившаяся дверца. «Туалет», – догадался Пётр, но не эта дверца своей убогостью привлекла его внимание, прямо посреди коридорчика, упершись одним концом в потолок, а другим в пол, стояла плохо отёсанная деревянная подпорка, держащая на себе часть потолка, с которого отвалилась часть штукатурки.

И тут же по другую сторону подпорки появились обитатели данного учреждения, озабоченно выпучив глаза и открыв рот от изумления. Их, конечно, предупредили заранее, но глава появился так неожиданно и тихо, как будто к ним свалился с луны ревизор.

Обитателями были четыре женщины. Одна из них преклонного, очень преклонного возраста, с вытянутым усталым лицом и недоверчивым взглядом. Пробуравив этим взглядом Петра Петровича, она представилась.

– Лесоедова Авдотья Павловна, главный бухгалтер. – И, громко высморкавшись в носовой платок, добавила: – В данный момент я здесь самая главная и попрошу впредь по окончании рабочего дня отчитываться передо мной о проделанной за день работе!

«Что за бред? – подумал Пётр Петрович, – где бы он ни работал, отчитываться перед бухгалтером, будь он трижды главный, ему ещё не приходилось, тем более что он теперь являлся хозяином и этого учреждения, и этого бухгалтера. Ну да чёрт с ней, пусть пока потешится», – решил он и обратил свой взор к следующей даме.

– Недотёпина Любовь Сергеевна, кассир, – представилась полная моложавая женщина,

слегка наклонив свою белолицую голову и потупив воловятий взгляд. Лицо её выглядело озлобленным, как будто она в уме решала какую-то задачу и не могла никак решить.

Следующей, стоящей за кассиром, была женщина гораздо шире неё и голову её покрывали жгучие чёрные волосы. Лицо её довольно симпатичное, глаза тёмно-коричневые, и в них с ума сходил какой-то бес, было похоже на то, что их обладательница хочет расхохотаться в лицо новому начальству, но усилием воли, которым она уж точно обладала, себя сдерживает.

– Еремейкина Полина Ивановна, специалист первой категории, – твёрдо, с ударением на слове «первой» произнесла она.

И Петру Петровичу представились сразу куры, это они, убитые на мясо, в магазине делились на первую, вторую и нестандартную категории.

За ней стояла высокая, не только симпатичная, но просто красивая стройная женщина, лет двадцати пяти, с тёмно-каштановыми волосами, заплетёнными в длинную косу. В больших её синих глазах затаилась дремучая грусть, тоска, какой ещё Петру Петровичу не приходилось видеть в своей жизни.

– Вьюгина Марина Викторовна, специалист второй категории, – грустно представилась она и зачем-то добавила: – Бракосочетание в нашей администрации провожу я. – И в глазах её вспыхнул луч надежды, и она ласково посмотрела на Неугомонного.

«Ну, слава богу, до нестандартной категории мы не дошли», – лукаво подумал Пётр, а вслух сказал:

– Ну что же, специалисты, покажите мне внутреннее содержание этого дворца, в котором проводятся даже бракосочетания.

При этих словах Вьюгина опять с надеждой посмотрела на своего нового шефа.

Начали осмотр помещения с кабинета, который располагался со стороны дороги, окна выходили непосредственно на проезжую часть, а два боковых позволяли обозревать улицу со всех сторон.

– Это кабинет бывшего участкового инспектора, – пояснила Еремейкина.

Следующие два кабинета никаких достопримечательностей не имели, в каждом из них стояло по два стола. И вот, наконец, очередь дошла до кабинета самого главы. Чтобы попасть в него, нужно было осторожно миновать неотёсанную подпорку, протиснувшись между ней и туалетной

дверью. Увидев, как у нового хозяина отвалилась челюсть от удивленного, остальные быстро высыпали за дверь.

Да! Челюсть отвалилась не зря. Было чему удивиться. Видимо, здание за долгие годы набралось достаточного опыта и точно определило, кто в нём главный. И всю свою изношенность и убогость перенесло именно в этот кабинет, как бы прося экстренного капитального ремонта.

Кабинет был обширный. Наверное, от давления утеплителя потолок его куполообразно просел. А пол, наоборот, под давлением стен прогнулся в обратном направлении и устремился навстречу потолку. Пётр Петрович присел на обшарпанное кресло, стоящее у старинного двухтумбового стола, и крепко задумался.

Событие шестое «Москвич» и Рыжка. Территория села

1

В этот момент задумчивости Пётр Петрович, вспомнив о своём верном друге Рыжке и выйдя во двор, увидел, что тот, утомлённый дорогой и разморившись на солнышке, спит, мирно посапывая и подрагивая кожей из-за назойливых мух. Пётр Петрович опять задумался: «Куда же пристроить лошадку?» И хотел уже пойти отыскивать своего приятеля Тришкина, который, как мы помним, работал ветврачом на птицефабрике, но тут заметил угол гаража позади здания администрации и вспомнил, что Леваков намекал на «Москвич».

Пётр Петрович вернулся в помещение и спросил:

– У кого ключ от гаража?

– У меня, – отозвалась Лесоедова. – А зачем он вам? – спросила она и пристально посмотрела в глаза Петра Петровича так, будто в гараже хранится не только «Москвич», а и весь золотой запас Цементно-Шиферного района.

– Что значит зачем?! – возмутился Неугомонный. – Должен же я осмотреть своё хозяйство!

– Ваше хозяйство у вас дома, а здесь всё пока ещё принадлежит государству и мне, так как находится у меня на подотчёте, – не унималась Лесоедова.

Петру Петровичу начинал надоедать этот цирк, и он уже хотел стукнуть кулаком по столу и послать куда-нибудь подальше главного бухгалтера с её принципами. Но в это время кассир Недотёпина, видимо, решив добиться расположе-

ния нового начальника, открыла сейф и подала ему ключ. Лесоедова кинула в её сторону испепеляющий взгляд, поймав который, Недотёпина покраснела и обречённо рухнула на свой стул. По этой немой сцене Неугомонный понял, что действием одного взгляда кассиру не отделаться.

Пётр Петрович с ключом наперевес двинулся к гаражу, заинтригованный необычным поведением бухгалтера и ожидая увидеть необыкновенные ценности – например, новенький «Мерседес». За ним неотступно следовала Лесоедова, выкрикивая лозунги о чести и совести муниципального бухгалтера.

Под пристальным взглядом Лесоедовой, Пётр Петрович с большим трудом открыл огромный амбарный замок, успевший заржаветь, и распахнул двери. То, что он увидел, повергло его в глубочайшее уныние и заставило усомниться в здоровом уме главбуха. Его взору предстала коробушка сорокалетнего возраста, с треснувшим стеклом, побитыми фарами, на разъехавшихся в разные стороны колёсах и с выдавленной на металле обличовки надпись: «Москвич-401».

«Во вторчермете рублей пятьсот дадут», – подумал Пётр, а вслух спросил:

– И какова же балансовая стоимость этой ценности?

– Большая, – с ударением на букве «о» ответила Лесоедова.

– Ну в таком случае пусть она остаётся у вас на подотчёте, а я похожу пешком либо проеду на лошадке.

После этих слов бухгалтерша облегчённо вздохнула, но в кабинет не ушла, а продолжала намётанным взглядом следить за действиями нового шефа.

Пётр Петрович осмотрел гараж и остался этим осмотром доволен. «Ну вот и временное прибежище для Рыжки», – подумал он и, хитро улыбнувшись, представляя, какой сейчас разразится грандиозный скандал, пошёл за конём.

Лесоедова, почуяв недоброе, неотступно следовала за ним. Пётр Петрович распряг коня и, намотав на руку вожжи, подвёл его к гаражу. Рыжка, увидев чудище в образе «Москвича», от удивления вылупил глаза. Но хозяин повернул его задом к этой странной конструкции, привязал вожжи к хомуту, а другим концом зацепил агрегат. Рыжка, поняв, что от него хочет хозяин, легко вытащил «автомобиль» из гаража. Вся эта процедура сопровождалась скрипом и визгом, исходившими от движущихся частей машины.

И громкими воплями бухгалтера. Она даже кричала: «Караул!», но, видя, что на помощь никто не приходит, замолчала и, не заходя в администрацию, пошла домой. Рыжка же расположился в новой, отвоёванной у главбуха конюшне.

Настало время и Петру Петровичу отправиться на ночлег в отведённую его семье квартиру. Намаевшись за день, он осмотрел жильё, не найдя никаких недостатков, бросил под голову куртку и тут же уснул крепким сном прямо на полу. Ну и бог с ним, пусть спит, набирается сил, они ему ещё пригодятся на новом поприще.

2

Солнышко своим ярким краем только ещё показалось за горизонтом, а Пётр был уже на ногах. Перекусить было нечем, и он, надеясь зайти в магазин попозже, двинулся на обход территории.

Как оказалось, не он был первым, кто нарушил топотом шагов первозданную тишину окружающей среды. Беспорядочные коровы и быки, агрессивно выставив рога и вылупив безразличные бесцветные глаза, гуськом брели вдоль заборов, выискивая слабые места в них, чтобы проникнуть в огород и утолить ненасытный аппетит. И, не найдя таких мест, группировались в небольшое стадо с намерением проломить любую преграду для удовлетворения своих потребностей.

На центральной улице Пётр, дойдя до перекрёстка, недалеко от администрации, попытался обойти огромную лужу, которая полностью захватила этот перекрёсток в свои зелёные вонючие объятия. Попытка с первого раза не увенчалась успехом, так же как и со второго. Он бы ещё долго пытался, но тут из переулка вывалил огромный боров с загнутыми до самых глаз клыками, настоящий вепрь. Его сопровождали свиноматки и поросята разных размеров. Боров презрительно посмотрел на Петра Петровича и, мотнув головою, как бы приглашая за собой, с размаху плюхнулся в лужу. Сопровождавшие его «дамы» и их потомки последовали примеру, создав при этом массу брызг и вони. Тут уж было не до сохранения обуви и вообще внешнего вида, и хозяин территории, которую заняли оккупанты в лице бродячего скота, рванул напрямую по грязной жиже, сопровождаемый, как ему показалось, насмешливым взглядом наглого борава. Преодолев препятствие, он долго чистил об траву, чудом сохранившуюся от прожорливых коров, свои туфли и оттирал брызги грязи с одежды, которыми его

окропили свиньи, видимо, почувствовав в нём непримиримого врага.

В этот момент из переулка, постукивая тростью, на перекрёсток выплыла старуха и презрительно, прямо как тот боров, осмотрев незнакомца, ехидно пропела:

– Опять новова партийца чёрт принёс, ишь какой щёголь, в ботинках выпендрился, тут и в сапогах не пролезешь! Опоздал, деятель, все партийные подвалы уже заняты. Зря обтирался, эта лужа не последняя.

И, ткнув борова своей тяжёлой тростью, поплыла дальше, громыхая тяжёлыми резиновыми сапогами.

О каких партийцах и о каких подвалах говорила бабка, была пока загадка, что же касается выбоин и луж, в этом она оказалась права.

Дойдя до центральной площади, Пётр Петрович обнаружил огромные кучи мусора, в которых основное место занимали листы бумаги с напечатанным на них текстом. Подняв несколько листов и пробежав по ним глазами, он понял, что это не просто листки, а листовки различных общественных и политических организаций. Особенно много мусора, непроходимые горы, было навалено у школы и Дома культуры.

Село было большое и располагалось недалеко от города. И местные бездельники, опираясь на городской опыт и поддержку городских основателей новых партий, наперебой начали создавать свои организации. И вроде винить их нет смысла, так как во всех странах в переходный период от одного режима к другому возникновение таких бездельников и возглавляемых ими организаций – дело необходимое. В созданной ими мутной воде рыба, как говорится, ловится лучше.

Вскоре обнаружили и так называемые офисы этих организаций, скорее потайные их норы. Пользуясь тем, что на селе в отсутствие главы сложилось безвластие, эти архаровцы (название происходит от наименования козла-архара) заняли подвальные помещения школы, Дома культуры и даже каким-то образом проникли в контору птицефабрики «Петушок – золотой гребешок», вероятно, дали взятку директору Хапугину.

Подойдя к описанным выше зданиям, Пётр Петрович обнаружил у входа в их подвалы вывески. На дверях школьного подвала красовались сразу четыре:

«Анархисты Кропоткина» – как войдётся – направо, стол у батареи.

«Анархисты батьки Махно» – как войдѣшь – направо, стол у окна.

«Троцкисты» – поверни налево, стол в углу.

«Капиталисты-марксисты» – налево и прямо пойдѣшь – к нам попадѣшь!

Несмотря на ранний час, из подвала доносились громкие призывы, перемежающиеся с не совсем культурными изречениями. Пётр Петрович открыл дверь и, оглушённый воплями, на некоторое время застыл без движения.

– Анархия – мать порядка, и Кропоткин – её основатель! – доносилось с правого угла от батареи.

– К дьяволу вашего Кропоткина, батька Махно – герой Гражданской войны! – летело справа от окна.

– Прав был Троцкий, только террором можно навести в этой стране порядок! Рушить нужно всё до основания, а затем... – летело из правого угла.

– Хочешь жить богато, читай «Капитал» Карла Маркса! – бил представитель партии «Капиталисты-марксисты».

Увидев вошедшего, все замолчали, а басыстый «капиталист» спросил:

– Что, уважаемый, в партию пришёл записываться или свою организовать захотел? Если свою, то ты опоздал, нам самим здесь тесновато. Если в партию, рекомендую в нашу, остальные здесь так себе, дрянь. Так-то, батенька. (Это он попытался подражать Ленину.)

После этих слов обиженные партийцы из других углов так завопили, что в окне лопнуло стекло, лампочка под потолком быстро замигала, а партийцы, исчерпав все устные аргументы, стали кидать друг в друга заранее заготовленные листовки.

Ошарашенный услышанным и увиденным, Пётр Петрович вывалился за дверь и долго не мог прийти в себя. Озадаченный результатами обследования территории, забыв о продуктах, которые хотел купить к завтраку, вернулся в администрацию.

Событие седьмое Первый сход комом

1

Докушав котлету и выпив кофе, принесённые заботливой Мариной Викторовной Вьюгиной, Пётр Петрович пригласил в кабинет своих помощников, специалистов разных категорий.

– Вот что, уважаемые, мне нужно организовать встречу с жителями села. Подготовьте объявления и распротраните их. Через два дня я провожу сход по следующим вопросам: сокращение общественно-политических организаций; организация субботника по уборке мусора; пастьба скота и ликвидация свинства с улиц села.

Подчинённые, впервые за свою деятельность услышав о каком-то сходе, пошли немедленно выполнять поставленную задачу. Правда, Вьюгина попыталась задержаться в кабинете полюбившегося ей начальника, одарив его завораживающим взглядом, но тот, нетерпеливо махнув рукой, мол, сейчас не до того, немедленно приступил к подготовке мероприятия. Объявления были развешаны на все доступные для прочтения места, в том числе на двери «офисов». Сход было решено проводить в Доме культуры.

В намеченный день за полчаса до начала Пётр Петрович, сопровождаемый своими помощниками, занял исходные рубежи в фойе ДК, подвал которого прочно оккупировали профсоюзные деятели. Глава слегка волновался, его беспокоили два вопроса. Состоится ли сход граждан, то есть соберутся ли они? И удастся ли разрешить поставленные проблемы? В это время в Доме культуры появился Тришкин.

– Слава богу, хоть какая-то поддержка будет, – обрадовался Неугомонный.

Но Тришкин обеспечивать поддержку новой власти не торопился.

– Ничего у тебя сегодня не выйдет, – твёрдо сказал он. – Я-то обстановку в селе знаю хорошо.

Пётр Петрович не был самонадеянным дурачком, но обратный ход давать было поздно, да и его помощники особого беспокойства не испытывали, хотя что о них говорить, коэффициент их полезного действия вызывал у него большие сомнения.

Сомнение по поводу сбора граждан отпало довольно быстро, то ли потому, что их никто давно не собирал, то ли их заинтересовали вынесенные вопросы, а может, по другой причине, но граждане валом валили со всех сторон, от школы даже шли организованной колонной. Над колонной пламенели ярко-красные полотнища плакатов. «Партийцы организовали», – подумал Пётр Петрович.

Но когда колонна приблизилась, он, ошарашенный, замер от удивления, плакаты несли директор школы, учителя (он за эти дни до схода заходил в школу и познакомился с преподава-

тельским коллективом) и учащиеся старших классов. На плакатах, сияя свежей белизной, красовались призывы:

«Свободу профсоюзной деятельности!»

«Защитим демократию в селе Забытый путь к коммунизму!»

«Да здравствует партия «Капиталисты-марксисты!»» (И, естественно, все остальные партии не отставали с лозунгами.)

Колонна остановилась у крыльца Дома культуры, тесно сплотив свои ряды. Навстречу появившемуся на крыльце Петру Петровичу выступили директор школы и директор ДК.

Слово взял директор школы:

– Уважаемый глава, мы просим вас не делать скоропалительных выводов по поводу большого количества партий и других общественных организаций. Если бы не они, все бюджетные работники давно бы умерли с голоду в нашем селе. Они честно и бесперебойно платят аренду за занимаемые подвалы, а мы распределяем арендные деньги бюджетникам, государство же наше уже семь месяцев не находит средств на выплату зарплаты, и единственное спасение – это арендаторы. Если можете, пригласите ещё желающих, а мы найдём для них места для размещения.

«Вот это поворот!» – подумал Неугомонный, понимая, что первый поставленный на повестку вопрос проваливается.

В это время оратор сменился, речь директора ДК была не менее пламенной:

– Дорогой вы наш долгожданный глава! – высокопарно загнул он. – Мы слышали о том, что в некоторых администрациях района заработную плату выдают водкой и другими продуктами питания. Если вы, уважаемый, добьётесь такого же обеспечения на нашей территории, то тогда между нами возникнет, возможно, деловой консенсус.

«Во даёт! Прямо второй Горбачёв!» – подумал Пётр Петрович, понимая, что первый вопрос окончательно проигран, против народного глагола не попрёшь.

Вдруг по асфальтированной площадке у Дома культуры загромыхали резиновые сапоги и застучала трость, народ расступился, и взору Неугомонного предстала бабка, с которой он утром повстречался у лужи со свиньями.

– Ну всё, Кузьминшна пришла, сход пора заканчивать, – обречённо прошептал в ухо Тришкин.

– Хтой-т тут голова? – прищурив подслеповатые глаза, спросила старуха. – Ет ты, щёголь? – усталилась она на Петра. – Ты ботиночки-то скинь, я слышала, ты на лошадке приехал, значаца будишь со своей министрацией по очереди коров наших пасти, а как жа. Пастух, он ить трескать тоже хочить, а плотить яму нечем, пенсию не дают, оплаты за труды тожить. А как жа жить? Ты вот, говорят, собираеэси свиней с вулицы убрать, значить, мы их пригоним в твою министрацию, корми. Ты не догадываеэся, почаму они на дороге ляжать, дык знай – они на ей кормяца. Идётся машина с кормами или с зярном, шасьт в ухаб, а горсть кормов от сотрясенья за борт – свиньям и радысь.

Народ одобрительно загудел и начал расходиться. Тришкин сочувственно похлопал Петра Петровича по плечу и на прощание посоветовал собрать депутатов и Совет ветеранов.

– Конечно, помощь не ахти какая, но они местные и нравы населения знают лучше. Глядишь, и посоветуют что-то, я-то тоже депутат, на меня ты можешь положиться, – сказал он на прощанье.

«Что-то последнее время меня преследуют неудачи, – подумал Неугомонный, – на кой дьявол я ввязался в это администрирование!»

Чувствовалось, что в селе явно укрепился дух анархии, идеи Кропоткина и батьки Махно главенствовали над «Капиталом» Карла Маркса и пока ещё над лозунгами Троцкого, но если не принять радикальных мер, на первый план могут выдвинуться троцкисты.

Событие восьмое

Пётр Петрович не одинок в своей деятельности.

И не перевелись ещё хорошие люди на селе

1

Пётр Петрович после так неудачно проведённой первой встречи с народом несколько дней ходил понурый, обдумывая дальнейшие свои действия, и не мог ничего толкового пока придумать. Сейчас ему нужен был дельный совет, но получить его было не от кого. Тришкин занят на производстве: делает прививки и кормит любимых петухов витаминами. От непосредственных помощников главы толку было мало. И Неугомонный начал подумывать уже о позорном бегстве с данного вверенного ему административного участка необъятной родины.

На пятый день после схода в кабинет главы осторожно приоткрылась дверь, и на пороге по-

явился приятной наружности худощавый гражданин преклонного возраста. Грудь его украшала ордена и медали, напоминавшие о героическом прошлом в годы Великой Отечественной войны.

– Авдеев Степан Иванович, председатель совета ветеранов данного поселения, – представился он, подсаживаясь к столу. – Ждал, когда вы пригласите меня к себе, не дождался, пришёл сам.

– Очень хорошо, что пришёл, уважаемый Степан Иванович, я спрашивал своих помощников о существовании совета ветеранов, они знать ничего не знают, – обрадованно засуетился Пётр Петрович, почувствовав, что появление этого человека как раз так необходимо ему в данный момент.

– Да какие они тебе помощники, Пётр Петрович? Так – сидят, только место занимают. У нас и депутаты неплохие. И совет ветеранов вместе с советом женщин раньше работали хорошо. И с директорами птицефабрики мы жили дружно, вместе делали одно дело на благо нашего села, – в голосе председателя чувствовалась горечь, вызванная происходящим сегодня, и гордость за прошедшие времена. – Раньше-то директором был Леваков Пётр Геннадьевич, хороший был директор, так нет, понесла его нелёгкая в райком партии, а теперь вот – в главы. Ничего своего нет, сидит ждёт милости от бюджета. После него был Божков Алексей Николаевич, хороший человек, он продолжил дело Левакова, тоже много строил, птицефабрика занимала всегда передовые места, все знамёна, начиная с районных и заканчивая знаменем ЦК КПСС, находились у нас. А Божкова народ избрал депутатом Верховного Совета СССР – развалился Союз, пришли новые хозяева, капиталисты, сожрали мужика.

– Теперь вот пришла власть Хапугиных да Лесоедовых, одна забота – как бы набить свой карман краденными деньгами, – с горечью продолжал ветеран. – Ты вот поторопился проводить сход граждан, не подготовился, а они, эти новые хозяева, тебе лапши на уши быстро навешали. Ты думаешь, откуда на нашей территории столько этих дешёвых партий появилось? Это всё городские друзья Хапугина да Лесоедова – директора лесхоза – постарались. Пока эти партийцы своими лозунгами да листовками вносят бедлам в головы населения, Лесоедов ворует лес, а Хапугин хочет приватизировать птицефабрику. Это они

подкупили директоров школы и клуба, и те организовали демонстрацию. А бабка Кузьминична, родная тётка Лесоедова, она всегда вносит смуту во все добрые начинания, вот она рассказывала о том, что нечем платить пастуху и нечем кормить свиней, денег нет. Да, их нет у бюджетников, а основная масса населения работает на птицефабрике и зарплату пока получает. И, однако, они тоже не спешат платить пастуху и содержать своих свиней дома. А это опять же на руку новым хозяевам, вот, мол, смотрите, администрация никаких мер не принимает, не может, а раз не может организовать простые вещи, то и хозяином территории быть у неё нет прав, – заключил свой рассказ Степан Иванович.

– Да, поспешил я с этим народным собранием, – признался Пётр Петрович. И вспомнив непроходимые ухабы, спросил: – А скажи мне, Степан Иванович, что же произошло с дорогами? Ещё год назад я частенько проезжал по вашему селу и помню, что на улицах был всегда асфальт, а теперь невозможно без резиновых сапог пробраться до центра!

– Так теперь никто за ними не следит, Пётр Петрович, раньше они принадлежали птицефабрике, а пришёл Хапугин и передал их в администрацию. А твоя помощница Еремейкина приняла, не глядя подписала акт передачи. На птицефабрике был свой заводик по изготовлению асфальта, и армянин Ёрик-джан (так его прозвал наш народ) постоянно следил за состоянием дорог, ремонтировал их. Но теперь, раз они административные, Хапугин выгнал Ёрика с птицефабрики. В администрации нет денег на его содержание, а может, и нашлись бы, да этим никто не занимается. А разбитые они потому, что Лесоедов возит лес на продажу прямо по центральной дороге села тяжёлыми машинами. Да и Ёрик-джан тоже вложил свою лепту в их разрушение, заводик-то остался на нашей территории, а договор на укладку асфальта он заключил с городом, там кладёт асфальт, а по нашим улицам возит щебень. А есть ли у них пропуска на проезд по посёлку, никто не спрашивает, некому: полгода ни главы, ни участкового.

Много необходимой информации получил Пётр Петрович от председателя совета ветеранов. Попили чайку, поговорили про жизнь, про изменения, происходящие в этой жизни, вспомнили былые годы.

– Спасибо тебе, Степан Иванович, – воспрял душой и сердцем Неугомонный, – я в ближайшие

83

дни постараясь пригласить депутатов и советы ветеранов и женщин.

– Погоди, не спеши, – умерил пыл главы председатель, – они к тебе не пойдут.

– Это почему же? – упал духом Пётр Петрович.

– Да потому, что сюда приходиться опасно, ты посмотри на свой потолок и пол, соберётся народ, а потолок рухнет, потолок рухнет – пол провалится. Я к тебе завтра подошлю трёх мужичков-ветеранов, они раньше работали в стройцехе на птицефабрике, отличные были плотники, да и сейчас могут всё делать не хуже, чем в те времена. Ну ладно, пора мне, а то старуха потеряла, до свидания, я теперь тебя одного не оставлю с твоими проблемами, ты мне понравился, а я в людях разбираюсь.

После ухода председателя на сердце Петра Петровича стало так легко, что он хотел запеть, но вовремя сдержал эмоции, боясь напугать своих подчинённых. Встав из-за стола, он быстро прошёл в конюшню-гараж к своему другу Рыжке, а тот, заметив положительные изменения в облике своего хозяина, как всегда, ласково лизнул его в мор... в лицо своим шершавым языком.

2

На другой день, как только Пётр Петрович подошёл к воротам администрации, появились три крепеньких мужичка преклонного возраста.

Поздоровавшись по рукам, представились.

– Бывшая бригада стройцеха, Виктор Петрович – бригадир, Пётр Кузьмич и Василий Дмитриевич – плотники. Ну что у тебя случилось, Петрович? – После неудачного схода Петра Петровича знали в деревне все.

– Да вот, заходите внутрь, увидите сами, – пригласил их Неугомонный.

Заглянув в кабинет, мужики с сомнением покачали головой:

– Ну, Петрович, здесь, если делать всё путём, материалов и времени много потребуется, а если сделать, как в Колонном зале Дома союзов, затрат и времени будет немного, но смеха будет достаточно, – съязвил бригадир.

– Это как же? – спросил озадаченный Петр Петрович.

– Да всё очень просто, мы балочку под потолок подведём и тремя подпорками её закрепим, за одно и пол под напором подпорок слегка выправится, и потолок укрепитесь и станет ровным. Усёк? – опять сострил бригадир, давая понять, что ему палец в рот не клади.

Пётр Петрович с бригадиром согласился. А что ему оставалось делать? Актив-то нужно собирать, время идёт, а он ещё не успел ничего путного.

Мужики вышли в коридор и упёрлись в ранее описываемую подпорку:

– А это зачем здесь стоит? Вроде бы и не нужна, – отметил прозорливый и разговорчивый бригадир. – Давай, Петрович, мы её уберём, к чёртовой матери!

Но Петрович не разрешил убирать подпорку ни к матери, ни к бабушке:

– Зачем-то она здесь была поставлена, пусть пока стоит, убрать всегда успеем.

Какой же он оказался прозорливый, ты в этом скоро убедишься, дорогой мой читатель.

– У тебя, мы слышали, лошадка есть, нам она сейчас понадобится, в стройцехе остались несколько брёвен, как раз на твоё хозяйство хватит, – опять пошутил бригадир. – Стройцех Хапугин приказал закрыть, так что эти брёвна всё равно сгниют, а мы их в дело пустим.

И вот завизжали пилы, застучали топоры, забеспокоились обитатели здания, поглядывая на кабинет своего шефа с тревогой и глубоко засевшей надеждой на то, что потолок всё же обвалится и тогда можно будет не ходить на работу. Но этого не произошло. Буквально через два дня состоялся приём выполненных работ с благодарностью и обещанием когда-нибудь рассчитаться...

А кабинет главы действительно стал «колонным залом». Как раз посередине его были установлены три хорошо отёсанные стройные подпорки – колонны, разделяющие этот кабинет на две части. Пол и потолок под воздействием этих подпорок выпрямились. Можно было собирать актив и решать наболевшие вопросы.

Событие девятое

Поиски внутренних и внешних резервов

1

И вот, наконец, настал долгожданный день. Оповещённый актив: депутаты, совет ветеранов, женсовет и руководители бюджетных учреждений, а также приглашённые директор птицефабрики Хапугин, дорожный мастер Ёриджан и директор лесхоза Лесоедов – к назначенному часу дружно заполнили «колонный зал» сельской администрации.

Как только Пётр Петрович объявил о начале заседания, активисты сразу обрушились на

нарушителей порядка на селе. Хапугин, Ёрик-джан отбивались, как могли, а расхититель лесных богатств Лесоедов попытался даже покинуть зал заседаний.

Но в этот момент дверь неожиданно открылась, и навстречу Лесоедову выдвинулась богатая фигура бывшего начальника милиции Горохова (но это мы с тобой помним, что Горохова сняли с должности, а подлый лесоруб – нет). Директор лесхоза попятился и сел на своё прежнее место.

– Ну что, Вася, кончилась твоя спокойная мировая жизнь, – произнёс Горохов. – Тебя мне приказано завтра доставить в РОВД, дело на тебя заводят.

После того как Лесоедов заверил, что не сбежит, был объявлен перерыв.

– Ты как сюда попал? – спросил Пётр Петрович Горохова, когда все вышли и они остались вдвоём.

– Направили к тебе участковым, ты же помнишь, мы с тобой в приёмной Левакова встретились, я провинился, он позвонил в областной отдел милиции генералу, и тот меня от обязанностей начальника милиции района тут же освободил.

– Да за что? Неужто я был прав, когда спросил тебя про пистолет?

– Конечно, ты угадал, доконала меня эта проклятая привычка размахивать пистолетом. Опять я его потерял.

– В роддоме, что ли? – вспомнив случай в аптеке, съязвил Пётр Петрович.

– Да нет, в амбаре. Украли в совхозе «Светлый путь» зерно, поехал я сам туда, зерно быстро нашли, вору перепились и от склада сумели пройти только до первого ложка, там я их и накрыл. А после главный агроном приволок самогона и сала, ну мы с ним прямо в амбаре набрались, а чем это кончается, ты сам знаешь. Видимо, махал я, махал пистолетом, да и закинул его в зерно, а зерна в складе двести тонн, пойдешь найди сразу. Вот меня и турнули, хотели совсем из рядов доблестной милиции, но я поехал в этот совхоз и всю неделю вместе с женой пересыпал через решето зерно. На седьмой день повезло, нашли. И вот теперь вместе будем наводить порядок в этом забытом богом «пути».

– Ну в этом ты, Михаил Михайлович, не прав, село это хорошее, рядом город, река, богатая птицефабрика, сюда доброты так и прут в надежде чем-то поживиться, а наша с тобой зада-

ча восстановить здесь порядок и сохранить материальные ценности. Я надеюсь, пистолет нам вновь искать не придётся.

– Пистолет мне пока не выдали, сказали: «Здоровый лоб – и без него обойдёшься». А что касается порядка, я всегда готов побороться за него, – согласился участковый.

Совещание было продолжено. Оставались нерешёнными два вопроса: бродячий скот и уборка мусора.

– Вот что, уважаемые друзья, – обратился Пётр Петрович к активистам, – мы несколько заговорились, уже поздно, если вы нам доверяете, мы эти вопросы решим в рабочем порядке с участковым.

И, конечно, обрадованные тем, что наконец-то в селе появилась власть сразу в двух лицах, и не просто власть, а деятельная, все согласилось беспрекословно доверить решение любых вопросов этой новой администрации. И в том, что Пётр Петрович назвал всех друзьями, он не ошибся. Видя его стремление к улучшению жизни, они поняли это выражение как утверждение того, что он действительно друг всем вместе взятым и каждому в отдельности.

Но было немало особей человеческого вида, которые думали иначе. Вот, например, бабка Кузьминишна, она всё время совещания толклась на крыльце администрации и ехидно ворчала:

– Ишь язвы их, нехристей, чавой-та ришают, видна, свиней резать будут или Васку маво сажать собрались!

4

На другой день Неугомонный и Горохов с утра заседали в «колонном зале». Сначала просматривали списки на распределение водки и колбасы под заработную плату. Обнаружив, что запросы намного превышают поставки, поправили эти списки. Правда, привоза ещё не было, что позволяло двум административным корифеям решать текущие вопросы.

– Ну что будем делать с уборкой мусора, Пётр Петрович? – не задал вопрос, а скорее задумался над его решением Горохов.

– Всю ночь почти не спал я, Михаил Михайлович, думал и вот что придумал, – загадочно улыбнулся глава. – Ты видел, вчера тут весь день на крыльце толклась старуха Кузьминишна?

– Да она и сейчас там мечется, ожидает, видимо, когда я повезу в район Лесоедова.

– Вот и хорошо, она нам и поможет.

– Это каким же образом?

– Сейчас увидишь. Пригласи её в администрацию, пусть посидит в коридоре, а когда будешь заходить в кабинет, двери совсем не закрывай, пускай слышит, о чём мы говорим.

Участковый Горохов, не понимая, куда клонит Неугомонный, просьбу его, однако, выполнил. Бабка, обрадованная таким вниманием и возможностью чего-нибудь выведать, прочно уселась на лавочке и наострила уши. А глава и участковый, как бы продолжая начатый разговор, нарочито громко обсуждали проблему уборки мусора.

– Так вот, – произнёс Петр Петрович, – мы вчера порешали прикрыть незарегистрированные партии, а я думаю, зря.

Участковый удивлённо вылупил глаза, но Неугомонный, приложив палец к губам, продолжал начатую фразу:

– Давай мы устроим соревнование между нами, члены какой партии быстрее уберут свой мусор, та и будет зарегистрирована на нашей территории.

Конечно, Пётр Петрович мог бы и сам объявить об этом партийцам, но решение об их ликвидации было принято коллегиально, и он не собирался его нарушать.

В коридоре послышалась возня и быстрые, насколько могла это делать бабка, шаги, захлопнулась дверь, зашаркали у открытого окна резиновые сапоги, застучал батог.

После того как бабка Кузьминишна разгромила Петра Петровича на сходе, он подробно расспросил своих помощников о повадках злобной старушки. И чего-чего, а сплетни они знали хорошо. Так вот, бабка, как оказалось, была равнодушна к партии «Капиталисты-марксисты», видимо, хотела ещё богато пожить. Поэтому, подслушав разговор, она тут же кинулась к председателю полюбившийся ей партии.

– Слухай, преседатель, ты хошь у нас в дярвене быть первым? – с порога заговорщицки зашептала она.

– Так вчера нас с вашей территории ликвидировали, какой тут к дьяволу первый!

– Ты послухай, чаво я табе скажу! – И она передала председателю весь услышанный разговор.

А в администрацию тем временем поступила обещанная заработная плата, для её размещения те же ветераны отгородили тёмсом заднюю часть кабинета главы, получилась отличная кладовка. «Заработная плата» позванивала хру-

стальной звонком и шуршала колбасной обёрткой. Пётр Петрович взял всё это себе в подотчёт. Главный бухгалтер после случая с «Москвичом» на рабочем месте не появлялась.

Горохов увёз в район Лесоедова, при его транспортировке никакого волнения на лице Василия инспектор не обнаружил.

«Зря стараетесь, – думал тот, – сейчас лес всем нужен, судья тоже человек».

5

А Пётр Петрович продолжал разыгрывать хорошо продуманный бессонной ночью план. После того как плотники сделали кладовку в его кабинете, он попросил их соорудить на поляне за селом загон из жердей. В подвозке жердей опять принял непосредственное участие мерин Рыжка. Неугомонный снова все надежды возложил на небывалое любопытство бабки Кузьминишны и не ошибся. Как только ветераны приступили к постройке загона, тут же, шлёпая сапогами, появилась старуха.

– А чавой-т вы делаятя? – прищурился, вопрошала она.

– Да вот, готовим загон для бродячих коров, – наученные Петром Петровичем, тихо, оглядываясь вокруг, как бы кто не услышал, сообщили ветераны. – Участковый поехал за подмогой в район, чтобы загонять коров, наймут доярок, а молоко будут сдавать государству безвозмездно. Ну ты, бабка, никому не говори, не подводи нас. Мы только тебе по секрету сказали.

– Не, никому! – И бабка быстро закондыляла прочь.

Через некоторое время на главной площади села послышались её истошные крики:

– Люди добрыя, послушайте, чаво етот щёголь прядумал, коров наших будуть в загон загонять, апосля доить и молоко увозить у гасударству, а вам хрен, а не деньги!

Вокруг бабки быстро собралась толпа, посоветовавшись, люди начали перемещаться в сторону администрации, где их, стоя на крылечке, уже ожидал Пётр Петрович.

Инициативу из рук не выпускала бабка Кузьминишна.

– Ет ты чавойта прядумал, щёголь? – сотрясла она зажатой в руке клюшкой. – Како имешь ты праву личную добро за так у гасударству сдавать? Ты ба луцце пастуха нам обяспечил, и гдей-то он?

– Ты ж сама, бабка, сказала, что это личное добро, почему же я должен вам обеспечивать

пастуха, нанимайте, составляйте договор, а я его зарегистрирую и буду наблюдать за его исполнением, в случае нарушения помогу восстановить справедливость.

Бабка сначала опешила от такого ответа, крыть было нечем, но через мгновение замешательства вновь подняла клюшку над головой.

– Можя, и свиной наших на мясу пустишь? – вопрошала она. – Их тожа из лужив будешь в загона гнать?

– Нет, их не буду, они сами в лужах валяться не будут, да и луж не будет скоро, – спокойно ответил Неугомонный и затем пристыдил разгулявшуюся толпу: – Неужели вам самим нравится такой беспорядок: лужи, свиньи в них, коровы, бродящие по селу и пугающие детей? Ведь совсем недавно это село было самым чистым в районе. Неужели вы всем селом не могли обломать рога разгулявшимся партийцам, замусорившим всё, или Лесоедову, разбившему все дороги по улицам?!

– Ваську маво не трожь! – завопила бабка Кузьминишна.

На неё зашумели, и она постаралась быстро скрыться в задних рядах.

– Всё мы вроде понимаем, да вот растерялись в текущем времени, всё перевернулось с ног на голову, а пойти за советом некуда, администраторы наши разбежались, раньше были партком и фабком, пришёл Хапугин – разогнал. Не видим, к чему стремиться, вот и распустились, – уже миролюбиво заговорили из толпы.

– Вот я перед вами, новый глава администрации. Появился участковый, давайте вместе наводить порядок. А молоко от ваших коров я сдавать, конечно, никуда не имею права, но если в ближайшие три дня вы не найдёте пастуха, будем загонять бродячих и штрафовать владельцев.

На этом и разошлись, может быть, и не совсем довольные друг другом, но определившиеся в первом контакте, кто есть кто.

Событие десятое

В котором описываются результаты проведённых мероприятий

1

А тем временем члены партии «Капиталисты-марксисты» ринулись на штурм мусорной кучи, которая, судя по лозунгам из листовок, находившихся в этой куче, принадлежала именно им. Но каково же было их удивление, когда они

обнаружили, что и их конкуренты тоже штурмуют принадлежащие им свалки. Видимо, в каждой партии находился свой Иуда, который передавал секреты своих однопартийцев и, скорее всего, не безвозмездно. Соревновательный накал до того захватил противоборствующие стороны, что к вечеру того же дня все мусорные кучи переместились с главной площади на свалку. Которая, как оказалось, всё-таки существовала в специально отведённом месте.

И всё же победила партия «Капиталисты-марксисты», так как имела численное превосходство, видимо, лозунг, обещавший богатую жизнь, оказывал на людей притягательное влияние. Но выиграла в конечном итоге центральная площадь села, она засияла первозданной чистотой. А члены всех партий удивились своей глупости, как это раньше они не догадались: и ходить можно беспрепятственно, и обнаружить дислокацию их штабов было бы непросто.

Председатель партии «Капиталисты-марксисты» Фридрих Неэнгельс с утра пораньше явился в администрацию:

– Уважаемый Пётр Петрович, поставленные перед нашей партией задачи мы с честью выполнили. Хотелось бы знать: когда состоится регистрация партии на вверенной вам территории?

– Уважаемый Фридрих Неэнгельс, позвольте узнать, кто вам сказал, что эта регистрация состоится? – в тон ему вопрошал глава.

– Член нашей партии бабушка Кузьминишна.

Оказывается, после того как бабка принесла благою весть, она была принята в партию без прохождения кандидатского стажа.

– Так вот, уважаемый председатель, это всего лишь бабушкины сказки, и не больше того. Я вам предлагаю добровольно освободить школьный подвал до вечера, иначе выселение состоится насильственным путём. Прощайте, бабушке Кузьминишне – привет!

На другой день после разговора подвалы школы и Дома культуры были свободны. Лишь кое-где по углам можно было обнаружить одинокие листовки с призывами к лучшей жизни, о которой всегда мечтает человечество, но не может обнаружить то место, где эта жизнь спряталась.

Профсоюзники, не дожидаясь насильственного воздействия на их сплочённые ряды со стороны администрации, из подвала ДК переместились на сцену, организовав фольклорный ансамбль «Бабий профсоюзный разгуляй». И, забегая вперёд на несколько лет, я вам с гордо-

стью сообщаю, что этот коллектив получил звание «Народный» за невероятно душевное исполнение профсоюзных песен.

2

Конечно, самое удивительное творилось на дорогах села. Ёрик-джан, довольный тем, что удалось решить вопрос на местном уровне, без вмешательства налоговой полиции, честно выполнял поставленные перед ним администрацией задачи. Машины сновали туда-сюда, засыпая щебнем ими же сделанные выбоины. Грейдер разравнивал щебень, ликвидируя лужи, похожие на трясину.

Клыкастый боров, окружённый свиньями, как всегда, направился к самой главной луже. Ничего не подозревая, к тому же страдающая близорукостью из-за отросших клыков, он со всего размаха хлюпнулся в предполагаемую жижу, свиньи последовали его примеру. Вместо воды они все вместе повстречались со щебёнкой. Не совсем ещё проснувшееся село сотряс страшный визг.

Прохожие, спешившие на птицефабрику, прижимались к заборам. По улице бежал, нет – летел боров с окровавленным рылом и обломленными клыками, за ним неслись свиньи с побитыми рожами и ободранными боками, щебень разлетался в стороны, словно поднятый сильнейшим ураганом.

Свиновод в это время как раз выходил из ворот собственного двора. Вдруг ему послышался шум Ниагарского водопада. Не успел он до конца домыслить об его происхождении, как был снесён с ног собственным боровом и чуть не затоптан свиньями. С трудом, держась за ушибленные места и постанывая, свиновод поднялся на ноги, и его взору предстал весь ущерб стаду. Боров и свиньи забились по углам свинарника и уже никогда не выходили на улицу, как ни старался их выгнать хозяин. Так что Пётр Петрович оказался прав, когда говорил народу о том, что свиньи сами не захотят валяться в лужах.

3

Через три дня, как и договаривались, коровы наконец-то обрели пастуха, благо было теперь чем с ним рассчитывать, бюджетники впервые за несколько месяцев получили натуроплату. Коровы, конечно, привыкли вольно шлаться по деревне и при первой попытке объединить их в стадо старались всячески нарушить строй, но их владельцы, боясь штрафа, помогли пастуху вы-

вести их в луга, где они признали, что глубоко ошибались в своей неприязни. Трава оказалась до того вкусная, что они поклялись больше не нарушать былого порядка. И лишь старуха Кузьминишна из вредности не пускала свою корову в стадо и водила бедное животное по деревне на поводке. Идёт в магазин, корова за ней, идёт на почту, корова за ней... Но однажды корове надоело ходить за бабкой, она до одури захотела в стадо. Потянула верёвку – бабка не отпускает, потянула сильнее – бабка упёрлась, и тогда, набравшись сил и поглубже вдохнув, корова что есть духу рванулась в сторону лугов. Бабка выскочила из сапог и некоторое время ещё пыталась семенить рядом с бурёнкой. Но куда там! Она выпустила поводок, подобрала сапоги и, заплакав от злости, поковыляла домой, ехидно пришепечывая:

– Подожди, стерва, вернёсси домой...

Директор птицефабрики Хапугин тоже малость приутих, его руководителю Мукомолову не понравилось то, что он поссорился с активом местной администрации, и теперь приватизация, задуманная ими совместно, откладывалась на неопределённое время.

И лишь Лесоедов остался непотопляем, через несколько суток после его этапирования в райцентр он вернулся как ни в чём не бывало. Видимо, думы его о том, что судьи тоже люди, оказались справедливыми. Правда, теперь он лес возил объездными путями, дороги не портил и в конфликт ни с кем не вступал.

Теперь Леваков, проезжая по селу, радовался, да что там говорить, просто ликовал. И, желая оказать помощь Петру Петровичу, отдал ему свой «уазик» для служебного пользования. «Хватит мне одной «Волги», – подумал он. – Коровы и свиньи теперь на неё не бросаются, так что она ещё долго прослужит».

Матушка Левакова горячо поддержала поступок сына, ходила по селу и всем говорила:

– Это мой Петя нашел нужного нам человека.

А что же мерин Рыжка? Неужели он оказался брошенным и забытым? Ну что ты, мой дорогой читатель, ни в коем случае. Председатель совета ветеранов привел в администрацию Сидора Ивановича.

– Вот, Пётр Петрович, Сидор Иванович хочет тебе оказать помощь, он с детства любит лошадей и на фронте служил в кавалерии, тебе теперь лошадка ни к чему, отдай ему вместе с дрожками, а он будет потихоньку собирать

мусор и вывозить его на свалку. Если ещё что потребуется, он и в этом поможет.

На том и порешили.

Да, совсем забыл отметить, что Колотозов, проезжая по селу, радовался не меньше Левакова и с гордостью думал: «Мой ЧЕЛОВЕК», имея в виду Неугомонного. Иногда они встречались, и эти встречи были обоим приятны.

А через некоторое время Неугомонный выполнил просьбу Колотозова: решением коллегии местного самоуправления село было переименовано в Горёвку. В Москву обращаться не стали, Москве было не до того, там проходило братание России с Европой и Америкой.

Название Горёвка объединило в себе сразу два значения: и прошлое название Пожарище, и новую жизнь, которая многим принесла немало горя. Теперь и мы, дорогой мой читатель, в дальнейшем будем называть это село Горёвкой.

Событие одиннадцатое

Изменения в штатном расписании

1

Первым под раздачу попал Леваков. Его вызвал к себе губернатор Кислый и задал неизменный вопрос:

– Где внутренние резервы, господин Леваков?

Не получив должного ответа, пригласил инспектора по кадрам областной администрации и приказал:

– Вот что, забери-ка ты у господина Левакова удостоверение главы района и отправь его куда подальше, например, выращивать огурцы в совхозе.

Что и было выполнено немедленно, как говорится, не отходя от кассы.

Но и самому Кислому недолго пришлось требовать с глав районов и городов внутренние резервы, его самого вскорости тоже освободили от обязанностей губернатора и объявили во всероссийский розыск. Как оказалось, многие его подчинённые своевременно находили внутренние резервы и доставляли их в областную администрацию, а господин Кислый, вместо того чтобы эти резервы обращать на благо государства, присваивал их. Дело в том, что пока он делился с московскими господами, ему всё сходило с рук, но как только Михаила Борисовича заела гордыня и он все резервы пустил на благо себе, он был тут же объявлен в розыск как тать. Но розыск этот

был довольно странный. Кислый свободно ходил по столице нашей Родины, где на каждом столбе висела его фотография с приметами. Никто, однако, его не трогал, и Кислому было иногда даже обидно за это, он уже подумывал пойти и сдать самому, но у него не было пропуска в ФСБ и он так и остался непойманным.

Наивный гражданин, он много о себе вообразил, к тому времени были объявлены в розыск такие особы, против которых Кислый был просто карманным воришкой, а кому из агентов хотелось гоняться за карманником? Да к тому же вскорости был объявлен свободный режим обогащения – кто что успел спереть, тот и становился владельцем этой украденной вещи либо кучи ассигнаций, желательно в долларах. Тут-то и появился как раз новый класс по кличке олигархи. Так что поспешил господин Кислый откреститься от своих московских сообщников, потерпел бы ещё чуток, поделился внутренними резервами – глядишь, и ему бы нашлось место в этой шайке, хотя, кто знает, может, он уже там.

Директор треста «Ни пуха, ни пера» господин Мукомолов Юрий Иванович развалил всё-таки вконец этот птичий трест. Многие птицефабрики приказали долго жить, а он из этого извлёк положительный результат, разбогател и построил себе заводик по производству прокладок.

«Это, каким же образом он добрался до этих прокладок, неужели можно так резко изменить профиль деятельности?!» – истошно закричал вдруг читатель.

Успокойся, дорогой мой, это не те прокладки, о которых ты подумал, не те которые не сходят с экрана твоего телевизора, это прокладки для упаковки куриных яиц. Они, конечно, без крылышек, на которых летают рекламные, но тоже очень нужные в хозяйстве.

Мукомолов несколько раз пытался выдвинуть свою кандидатуру на высокие бюджетные должности, чтобы в конце концов добраться до этого бюджета. Но его постоянно задвигали по причине низкого рейтинга. Кто знает владельца куриных прокладок? Вот если бы он делал те, о которых говорить неудобно, тогда другое дело.

Директор птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» Хапугин Богдан Титыч как не оправдавший надежды был отстранён от исполнения директорских обязанностей Мукомоловым за два дня до ликвидации треста «Ни пуха, ни пера».

А вот Леваков, став директором овощеводческого совхоза, добился невероятных успехов

в производстве овощей. Огурцы и помидоры, выращенные в его хозяйстве, прославились не только в Энской области, но и далеко за её пределами.

– Какой же я был дурак! – восклицал Леваков, получая очередную награду. – Зачем я сидел в этих районных главах, штаны протирал, давно нужно было бежать оттуда!

И мы с тобой, дорогой мой читатель, согласимся с выводами Петра Геннадьевича: каждый человек должен заниматься тем, что он умеет хорошо делать, а не просиживать штаны, избражая из себя идола, на которого все должны молиться.

2

Администрацию села Горёвка тоже не обошли изменения в штатном расписании, и они проходили даже раньше описанных выше, но причины были другие. Никто из служащих не посягнул на муниципальное имущество. Даже сломанная ручка на столе главы осталась цела, несмотря на опасение главного бухгалтера Лесоедовой.

И, кстати сказать, первой покинула администрацию именно она. После того как её оскорбил поступок Петра Петровича, выкатившего «Москвич» из гаража и определившего туда своего мерина Рыжку, Авдотья Павловна неделю не выходила на службу, угнетённая тем, как расточительно отнёсся новый глава к материальным ценностям, находившимся у неё на подотчёте. Но немного успокоившись, она решила вернуться к своим обязанностям и поклялась позиций в защите этих ценностей не сдавать.

О её появлении на рабочем месте Неугомонный догадался сразу, как только вошёл в здание администрации. В коридоре на лавочке сидела Недотёпина Любовь Сергеевна и с опаской поглядывала на дверь бухгалтерии, по её телу пробежала мелкая дрожь. Она помнила, как на неё посмотрела Лесоедова, когда Любовь Сергеевна передавала ключ от гаража Петру Петровичу.

– Ты почему не на рабочем месте? – громко, чтобы слышали все, давая понять тем самым Лесоедовой, что Недотёпина должна сидеть на своём месте, произнёс Неугомонный. Затем, не поняв, что промямлила кассир, зашел вместе с ней в бухгалтерию и поздоровался. Кинув косой взгляд на вошедших, главный бухгалтер не удостоила их ответом.

«Дьявол с ней, сейчас переговорю с Леваковым и буду решать вопрос с ними. То ли их ми-

рять, то ли обоих увольнять? Толку от них, видимо, мало».

Но ни то, ни другое он сделать не успел, через некоторое время со стороны бухгалтерии послышался равномерный стук, как будто кто стучал пустым котелком по дереву: «бум, бум, бум...» Затем раздался протяжный мышинный писк: «п-и-и-и-и», переходящий в мычание: «м-мм-у-у», и вдруг вслед за этими звуками заржала лошадь. Пётр Петрович сначала подумал, что это Рыжка, но мерин, даже если бы заржал во всю свою мощь, таких звуков извлечь из своей утробы не смог бы. Перепуганный глава выскочил в коридор. Стоящая там подпорка сотрясалась от ржания, и мелкая штукатурка из-под неё посыпалась на его голову. Пётр Петрович быстро забежал в бухгалтерию. Глазам его предстала картина... Лесоедова, накрутив густые волосы Недотёпиной на свою мощную руку, равномерно долбила её головой по столу (бум, бум, бум...), кассирша в свою очередь попискивала и мычала. А специалист первой категории Еремейкина дала волю душившему её смеху и избражала из себя ржущую кобылу в расцвете лошадиных сил. Тут-то многое сразу стало ясно: и то, почему Еремейкина сдерживала смех при первой встрече с новым главой, и то, почему в коридоре стоит подпорка, и то, почему Лесоедову боится Недотёпина, да и не только она, но и братец Вася, и то, почему голова кассира звенит, как пустой котёл.

При появлении руководства главный бухгалтер с большой неохотой отпустила голову своей подчинённой и отвернулась к стене. Еремейкина, засмутившись, закрыла рот двумя руками, однако ржание удалось унять с трудом. Пётр Петрович ошарашенный вернулся в свой кабинет.

«Хорошо, что я не дал ветеранам убрать подпорку в коридоре», – подумал он.

Глава присел на своё обшарпанное кресло. Случившееся никак не вмещалось в его разумную голову, такого он не видел даже на ферме № 2 совхоза «Бессеребряного». Будучи ветврачом, он строго-настрого запрещал скотникам наматывать на руку хвосты коров, а тем паче стучать их головами об кормушку.

Никто не знает, сколько времени просидел бы он, обдумывая меры, какие нужно принять, но дверь кабинета вдруг распахнулась, в неё влетела Лесоедова и саданула листом бумаги об стол перед носом Неугомонного. Опустив глаза на прижатый твёрдой женской рукой лист,

Пётр узрел заявление об увольнении по собственному желанию.

– Чёрт с вами, варитесь вы в этом котле без меня! – озлоблённо выпалила Авдотья Павловна.

«Ну и слава богу!» – подумал он, а вслух сказал:

– Авдотья Павловна, вы можете этот «Москвич» забрать себе, раз он вам так дорог, тем более он находится у вас на подотчёте.

– Наворочаете вы тут без меня дел, – презрительно окинув взглядом собеседника, произнесла Лесоедова. – Этот «Москвич» нужно сдать в металлолом, а деньги вернуть в бюджет, а не растаскивать по своим дворам муниципальное имущество! – И, взяв подписанное заявление, Авдотья Павловна удалилась, громко хлопнув дверью.

«Жёсткая, но честная женщина, не чета своему братцу Василию, – подумал Пётр Петрович. – И всё же что была за сцена в бухгалтерии? И почему вдруг Авдотья Павловна предложила сдать «Москвич» в металлолом, она ведь так дорожила этой материальной ценностью?»

На все не дающие покоя вопросы ответы дала специалист второй категории Вьюгина Марина Викторовна. Она по-прежнему возлагала определённые надежды на Петра Петровича, несмотря на то, что с появлением в селе Вареньки Неугомонный котлеты от Марины Викторовны принимать не стал.

Оказывается, как только Авдотья Павловна после долгого отсутствия появилась в администрации, она вместо объяснительной за прогулы немедленно начала составлять жалобу в прокуратуру, обвиняя Петра Петровича в нанесении ущерба муниципальной собственности из-за неправильного её хранения. Имелся в виду «Москвич», но для точности подсчёта ущерба ей понадобился акт последнего обследования машины с её остаточной стоимостью. Она долго искала документы, но найти их никак не могла, как сквозь стол провалились. Спросить же было не у кого, кассир Недотёпина, боясь зайти, сидела в коридоре на лавочке. Когда Неугомонный завел её в кабинет, кассир, видимо, от пережитого ожидания расправы вдруг набросилась на принесённые к обеду бутерброды, развернув лист, в который они были завернуты. И тут взгляд главбуха упал на этот лист, из её уст вырвался звериный крик. В промасленном и помятом акте была описана вся историческая сущность машины «Москвич» одна тысяча девятьсот сорок пятого года выпуска. Ле-

соедова вцепилась одной рукой в густые волосы... Другой рукой подняла лист и поднесла его к своим очкам. То, что она там увидела, поразило её в самое сердце. Акт был с угла на угол пере-чёркнут, и снизу красовалась каллиграфическая надпись крупными буквами, что машина «Москвич-401», принадлежащая сельскому совету села Пожарище, списана как не подлежащая восстановлению десять лет назад. Лицо бухгалтера исказила злобная гримаса...

3

На другой день после ухода Авдотьи Павловны Пётр Петрович пригласил в кабинет Недотёпину.

– Ну что же, уважаемая Любовь Сергеевна, как говорится, свято место пусто не бывает, придётся тебе, голубушка, временно исполнять обязанности бухгалтера, – как можно мягче произнёс он, пытаясь тем самым не спугнуть надежду на сохранение бухгалтерского штата.

Но «голубушка», вместо того чтобы взлететь от радости к потолку, вдруг побледнела и опустилась на стоящую у стены лавку. Перед её закрывшимися глазами быстро замелькали бухгалтерские книги, ведомости, фактуры и прочая бухгалтерская чепуха, в которых она разбиралась так же, как Пётр Петрович в космонавтике, и она, медленно поднявшись с лавки, еле передвигая ноги, покинула кабинет.

«Обрадовалась она, что ли, – ошибочно, так же, как когда-то ошибочно думал и Леваков о нём, подумал Неугомонный, – ишь как её проняло».

Он уже хотел позвать Еремейкину, чтобы та готовила распоряжение на перевод Недотёпной с должности кассира на должность бухгалтера. Но вдруг дверь тихо открылась... На пороге стояла кассир, в одной руке она держала сумку со всеми находящимися в бухгалтерии личными вещами, в другой, мелко дрожащей, сжимала листок бумаги.

«Всё, бухгалтерии больше у меня нет», – догадался Пётр Петрович.

И не ошибся. Медленно передвигая ноги, Любовь Сергеевна подошла к столу и опустила на него заявление об увольнении, «желательно без отработки». В таком же темпе бывшая кассир покинула навсегда администрацию, оставив в своей голове воспоминания о соприкосновении той самой головы с бывшим своим рабочим местом, то есть крепким старинным столом.

На этом кадровый исход не закончился. Еремейкина после того как Лесоедов Василий Пав-

лович вернулся на своё место директора лесхоза, избежав наказания, любить его меньше не стала и, в конце концов, вышла за него замуж. Церемония бракосочетания проходила в администрации, и, как всегда, проводила её Вьюгина. Напялив на себя процессуальное платье и ленту с надписью: «Семья – ячейка советского общества», оставшуюся в наследство от сельсовета села Пожарище, Марина Викторовна произнесла нужные слова, проиграла на пластинке марш Мендельсона. Пётр Петрович вручил новобрачным Лесоедовым очередное, пятое по счёту для Василия Павловича удостоверение, тот не утерпел и от нахлынувших на него радостных чувств сбавил плясовую. После чего достал бутылку шампанского, и все выпили за укрепление семейной ячейки. Тут Василия понесло, он решил показать всем, к кому идёт его очередная любовь: не к какому-то голодранцу, а вполне состоятельному члену общества. Открыв принесённую с собой сумку, он извлёк из неё бутылку шотландского виски по цене десять долларов за сто граммов и копчёный балык по цене пятьсот рублей за колясочку. И сделал это зря. Участковый Горохов, подозрительно посмотрев на владельца этого богатства, давая понять, что он догадывается, на какие средства эти богатства приобретены, встал и ушёл в свой кабинет. Его примеру последовал Неугомонный. Лесоедов, почувствовав, что переборщил, хотел выставленные на стол предметы вернуть в сумку, но не успел. Специалист второй категории Вьюгина одним махом смахнула озвученные предметы в свой сейф и закрыла оный на ключ. Василий хотел возразить, но постеснялся выглядеть жадным нищесбродом, махнул рукой и, в предчувствии брачной ночи гордо задрав свой тощий нос, удалился, крепко вцепившись в мощную руку своей новой супруги, словно боясь упустить её и остаться одному в холостяцкой кровати.

Оставшись одна, Марина Викторовна, не снимая традиционного платья и ленты, присела на краешек стула и задумалась о своей судьбе, выпитое шампанское подогривало грустные мысли. Они упорно струились в разгорячённом мозгу, выплёскиваясь горькими слезами на ресницы прекрасных глаз.

«Вот и Еремейкина встретила свою судьбу, – подперев ладонью голову, думала она, – хоть он и с гнильцой, но всё же мужик. А я никому не нужна, даже не в жёны, хотя бы в любовницы. Пётр Петрович «из зуб» не выпускает: всё Ва-

ренька да Варенька, Горохов вообще на женщин не смотрит, всё мечтает, когда ему пистолет вернут, без него спать боится!» – на этом слове в своих мыслях Марина встала, выйдя в коридор, убедилась, что все давно разошлись по домам, открыла сейф и достала провианты, принесённые женихом.

Стояла жаркая погода, и Пётр спал с открытым окном. Его дом находился недалеко от здания администрации. Когда в гараже ночевал Рыжка, Неугомонный слышал, как тот ржал, тоская, наверное, по своим родственникам, оставленным в посёлке Цементно-Шиферном.

В эту ночь Петру Петровичу показалось, что из администрации доносится марш Мендельсона, он то затихал, то вновь звучал, призывая всех женихов и невест села скорее бракосочетаться. Пётр Петрович хотел встать, чтобы понять, в чём дело, но на его плече прикорнула любимая Варенька, и он отказался от своих намерений, а затем и сам заснул крепким здоровым сном.

Утром, придя на службу, Пётр Петрович удивился необычной тишине. Ни хихиканья Еремейкиной, ни шелеста бумаг. Он постоял, напрягая слух, и распахнул дверь кабинета специалистов. Он увидел: на полу разорванное процессуальное платье. На портрете кормчего Ель-Цина лента с надписью о семье перекрывала глаз, и тот подозрительно взирал на содеянное одним оком. Диск проигрывателя крутился, на нём покачивалась затёртая пластинка. На столе Вьюгиной стояла пустая бутылка, валялся кусок недоёденного балыка и лежали два листка бумаги. На одном было написано заявление об увольнении, на другом выведено: «Нет в жизни счастья!». И ниже: «Я вас любила, а вы, эх вы!..» Эту надпись Пётр принял на свой счёт, но легче ему от этого не стало, если и дальше так пойдёт, он останется вдвоём с Гороховым.

И он в своих догадках опять не ошибся.

После обеда явилась новоиспечённая жена директора лесхоза, теперь Лесоедова Галина Ивановна. Она вежливо поздоровалась и двинулась к столу, в руке её был зажат листок бумаги.

«И эта с заявлением на увольнение», – с горечью подумал Пётр Петрович. Но на сей раз он ошибся, хотя не совсем. Прочитав текст, он с удивлением поднял на Галину Ивановну глаза. «Прошу перевести меня специалистом высшей категории, иначе Василий Павлович отказывается со мной жить».

— Это что за бред? Шутка такая, что ли? — Видя, что ни один мускул на лице специалиста не дрогнуло, он продолжал: — Во-первых, у нас нет в штате такого специалиста, во-вторых, у тебя образование девять классов и десятый — коридор, а для этой должности нужно высшее!

— Я не знаю, Вася приказал. Я его послушаться не могу. Он сказал, если должности нет, увольняйся, пойдёшь в лесхоз инженером.

— Ну что же, здесь не лесхоз и я сам должности не раздаю, если у Васи есть такая возможность, тебе лучше идти в лесхоз.

На том и порешили. А сельская администрация и Неугомонный временно осиротели. Но это продолжалось недолго. И помогли в пополнении штатов господра Хапугин и Лесоедов.

Конечно, это произошло не от их душевной доброты, а скорее наоборот. Однажды Хапугин решил наконец-то посетить производство. Зайдя в лабораторию, он увидел в клетке крупных, хорошо откормленных бройлеров и очень удивился:

— А почему в столовой мне не подают к обеду такой птицы? Немедленно отправить их на кухню!

Всё беспрекословно было выполнено. Так как в лаборатории в это время занималась уборкой только санитарка, возразить против такого произвола было некому. Бройлеры же оказались экспериментальные, работа под руководством главного зоотехника Власовой велась несколько месяцев, и все её результаты одним распоряжением директора были уничтожены. Власова, расстроившись, написала заявление на увольнение. Хапугин же в это время уехал в город и, как всегда, долго не возвращался. Тогда Власова пошла в отдел кадров к инспектору Колёсниковой и настояла на увольнении без подписи директора. Конечно, инспектор допустила ошибку, появившийся Богдан Титыч уволил её. Вот они-то и заняли места специалистов в Горёвской сельской администрации. А буквально через два дня был уволен и сам Хапугин. В свою очередь Мукомолов, подписав приказ на увольнение Хапугина, ушёл в отставку. В этот же день трест «Ни пуха, ни пера» лопнул.

Лесоедов, определив жену Галину Ивановну в инженеры, устроил семейный подряд по краже древесины, и все свои операции пытался провести через бухгалтерию, подделывая фактуры. Видя такой беспредел, главный бухгалтер лесхоза Кошкина Раиса Евгеньевна, чтобы не поменять тёплое место на нары в тюрьме, быстро уволилась, прихватив с собой сестру Кошкину

Валентину Евгеньевну, которая трудилась рядом с ней простым бухгалтером. Вскоре они, не меняя ранее занимаемых должностей, оказались в бухгалтерии администрации, и их работой Пётр Петрович был очень доволен.

Событие двенадцатое

Кадровый ресурс областной администрации

Место бывшего губернатора Кислого занял Сладкий, который всегда радел за народ, попытался сразу сделать многое для него, но в связи с тем что Москва продолжала браться с Европой и Америкой, а президента Ель-Цина Билл Клинтон стал чаще подпускать к барабану, у нового губернатора мало что получалось. И тогда он решил использовать кадровый ресурс.

Сначала бразды правления в Цементно-Шиферном районе были переданы господину Романовскому, конечно же, через выборную кампанию. Романовский был мужик добродушный, хорошо играл на баяне и пел под свою же музыку песни. Первым пунктом его программы был лозунг: «Жителям района — светлое будущее!», вторым: «Каждой семье по десять листов шифера и по мешку цемента!». Кто же после этого мог проголосовать против его кандидатуры? Но, как оказалось, он был недалёковидный руководитель. Когда Москва кинулась браться с капиталистами, было уже не до шифера с цементом, и вскорости в районе не стало ни того, ни другого. И со светлым будущим получился прокол, часто в бюджетных учреждениях стали отключать электроэнергию за неуплату, а уличное освещение вообще отрезали.

И тогда на спасение района был брошен бывший агроном Шарабановский. В его программе первым пунктом также стоял лозунг: «Жителям района — светлое будущее!». Вторым, учитывая, что цемента и шифера нет: «Каждой семье по мешку пшеницы и по два ведра картошки!». Проголосовали и за него. Он тоже был мужик недалёковидный, хотя на гармошке не играл и песен не пел. Вскорости многие совхозы приказали долго жить, вконец разорённые новой системой взаимоотношений — я тебе рубль, а ты мне двадцать, то есть, пытаюсь погасить взятые кредиты, они лишились и скота, и техники, всё было отдано за долги.

Чтобы не повторить ошибок впредь, главой района был направлен господин Ископаемый. Ископаемого губернатор знал ещё по совместной работе в обкоме КПСС как требовательного

работника, способного любому гражданину привнести коммунистическое сознание. При рекомендации жителям на пост главы района Сладкий так и заявил:

– Хватит ляссы точить. Господин Ископаемый быстро приведёт вас в чувство.

Губернатор не учёл, Ископаемый изменился. Время меняет многое, изменило оно и характер Ископаемого, потерявшего тёпленькое местечко в обкоме, где уже намечалось повышение по службе, а по причине хронической болезни он стал озлоблен, вспыльчив, недоверчив и не терпел возражений или советов.

В его программе первым пунктом стоял лозунг: «Каждой семье района по сто куриных яиц и пять килограммов куриного мяса!». Птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» и «Золотое яйцо» пока ещё работали, держались потому, что районному руководству не подчинялись. Избиратели, увидев лозунг, поняли, что и над птицефабриками нависло «светлое будущее», но в связи с очень низким рейтингом второго кандидата, а им был Мукомолов, проголосовали за Ископаемого.

В этом месте я вынужден с прискорбием донести до вас, дорогие мои читатели, что опечаленный бардаком в стране директор птицефабрики «Золотое яйцо» Колотозов Павел Иванович тяжело заболел и умер, о чём сожалели многие хорошие люди всей Энской области и особенно Неугомонный.

Ископаемый начал приводить всех в чувство, как и обещал губернатор. И надо же было случиться, что Пётр Петрович первый попал под раздачу. В этом месте придётся сделать пояснение. В описываемое автором время законодательство гласило, что всеми земельными ресурсами на вверенной главе сельской администрации территории распоряжается только он, глава, и никто другой.

Однако в обход Неугомонного Ископаемый решил выделить большое количество земли, ранее занимаемой зоной отдыха, каким-то прохиндеям, которые смогли убедить его в том, что эта земля ранее принадлежала им. И несмотря на то что все бумаги утверждались поддельной печатью, вероятно, изготовленной из картофеля, что было видно невооружённым взглядом, глава района пошёл прохиндеям навстречу. Почему он пытался провести эту сделку, Неугомонному неизвестно и сейчас. Наверное, решил, что никто из подчинённых не будет перечить его указаниям.

Но Неугомонный сразу определил подделку. Он уже отлично знал границы наделов. Видя, что радушного приёма они не получат, прохиндеи решили урегулировать дело силовым путём. Но Пётр Петрович был человеком не робкого десятка и обладал природной физической силой, в результате «просители», пересчитав ступени крыльца мягкими местами, ретировались в район. Оттуда через некоторое время последовал звонок, требующий положительного решения вопроса. Но тщетно, Пётр Петрович упёрся. Скандал был длительный, дошедший до суда, который выиграл глава Горёвской сельской администрации, но приобрёл врага в образе стоящего над ним руководителя, злоба которого затаилась до поры до времени.

На место директора птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» был назначен, почему-то самим губернатором, Маратка Ильдусов, который постоянно всем напоминал о том, что он ставленник «самого», и на различного рода собраниях свою речь всегда начинал словами:

– Я только что вышел из кабинета губернатора, он вам передаёт моими устами большой привет.

И все руководители района, от главы до прокурора, уверовали в это и благоговели перед Мараткой Ильдусовым. Но нашлись два человека, которые узрели Мараткину некомпетентность и никчёмность. Ими были Неугомонный и бывший директор птицефабрики Божков, который сразу, как только увидел Маратку, сказал:

– Помяни моё слово, Пётр, этот балабол птицефабрику уничтожит.

Пётр Петрович, по сути, до мозга костей был птицеводом. Он сразу понял, что Ильдусов, ничего не смысля в птицеводстве, был определён на птицефабрику новым владельцем, что вскоре и подтвердилось. Хозяйство было «выкуплено» Мараткой за один рубль, и тут уж всем стало ясно, кто стоит за его спиной. Ильдусов нанимал компетентных директоров, а сам беспрестанно изымал деньги из оборота фабрики и разбазаривал их направо и налево, делая подарки вышестоящим руководителям, которые в нём души не чаяли.

А в Божкове и Неугомонном Маратка почувствовал людей, точно понявших его гнилую сущность, и немедленно определил их в стан своих врагов. В различные инстанции пошли сплетни, унижающие личные и деловые достоинства Неугомонного и Божкова, что встречало горячую поддержку Ископаемого.

Событие тринадцатое Помощь капиталистов

1

Зарплату бюджетникам продолжали выплачивать натуральными продуктами, которые на семьдесят процентов занимала водка. В те дни, когда она выдавалась, из учреждений к вечеру доносилось хоровое пение, и чтобы это пение направить в нужное русло, на коллегии было решено создать бюджетный хор. Хотя от певцов пахло спиртным, пели замечательно. Вскоре хору было присвоено звание «Народный». Вот так у нас на Руси всегда: не было бы счастья, да несчастье помогло.

И вдруг случилось непредвиденное. Из стран капиталистического лагеря стали приходить медикаменты и шмотки, только слегка поношенные. Произошло это после проведённых в нашей стране очередных выборов президента.

О том, что в администрацию привезут зарубежную помощь, Петру Петровичу позвонили заранее. Он распорядился развешать объявления, в которых было указано время распределения помощи: десять часов утра следующего дня, с таким расчётом, чтобы успеть всё распаковать и выставить для общего обозора.

И тут нужно сказать, что по неопытности (такую радость иностранцы представили впервые) Пётр Петрович со своими помощниками допустил две ошибки.

Первая – нужно было созвать актив села и заранее распределить продукты и вещи наиболее нуждающимся в них жителям. Вторая – не учли, что присланная помощь прошла несколько перевалочных пунктов, прежде чем попала в село. А как выяснилось позже, на этих пунктах уже приспособились производить обмен европейских товаров на китайские либо вообще подсовывать свои обноски.

Придя на службу к восьми утра, Пётр Петрович заметил сгорбленную фигуру бабки Кузьминишны, которая металась по двору.

– Тебе чего это не спится, Кузьминишна, ты что пришла так рано? – спросил он.

– Ты мне зубья-то не заговаривай, щёголь, – замахала бабка клюшкой, – знаю я твою администрацию, усе лучшие тряпки загранишны сябе забярётя, а народу всяку дрянь вывалити. Вот я и пришла порядок блюсти. При мне будятя разбирать товары.

Но бабка опоздала, Власова Галина Васильевна пришла пораньше и уже распаковала все коробки. Узнавши, что опоздала, опережая Петра Петровича, бабка кинулась в его кабинет, именно там были разложены продуктовые наборы и вещи. Заметив Галину Васильевну, бабка готова была выпалить: «Уже нахапала сябе шмоток, стервь!» Но, увидев, что в руках специалиста ничего нет, промолчала. И тут её подслеповатый взор упал на свёрток, лежащий на подоконнике, прозрачный целлофан цвета морской волны на занимавшейся зорьке переливался перламутром.

– Ет штой-то? – ехидно спросила бабка. – Никак сябе захапать хатитя?

– Это кофта, – ответила растерявшаяся Власова, – мне она зачем, она же мужская, вот на этикетке мужчина изображён.

– Всё одно, чавой-т тут не так, – не унималась бабка.

Зачем Власова отложила эту кофту на подоконник, она и сама толком не знала. То ли её поразила красота оттенков, то ли она действительно хотела, чтобы эта кофта досталась Петру Петровичу. Но так получилось, и мы её в отличие от бабки Кузьминишны спрашивать об этом не будем.

– Усё, эта кохта моя, – затараторила бабка, – ежли вы не отдадите яё мне, я вас на весь рыйон ославлю.

Тут уж кончилось терпение у Петра Петровича:

– Ну-ка, старуха, выйди из кабинета, соберутся люди, решат тебе отдать – получишь ты эту кофту, – сердито выпалил он, и бабка беспрекословно покинула кабинет.

К десяти часам стали собираться люди. В коридоре постоянно слышалось угрожающее змеиное шипение бабки и как клокотание индюшки: «Кохта, кохта». Затем Пётр Петрович в окно увидел, как тракторист Рожанов и многодетная мать Аротанова метнулись бегом в сторону своих домов. Через минуту по крыльцу застучали костыли инвалида Самошкина.

Ровно в десять группа нуждающихся была допущена к месту распределения заграничного товара. Работники администрации приготовились к раздаче продуктовых наборов в виде растительного масла и куска голландского сыра, которые почему-то были упакованы в один пакет, но, к удивлению, на продукты никто не обратил внимания.

Зашедшие в кабинет все как один хором выдохнули:

– Где кофта?

И, увидев её на подоконнике, протянули к ней руки. Но так как толпившихся претендентов на её обладание отделял от подоконника временно сооруженный прилавок, дотянуться до желанного предмета было невозможно.

– Давай мне! – кричала бабка Кузьминишна. – Я перьявая яё узрела!

– Почему это тебе? – громыхнул костылями инвалид Самошкин. – У тебя и старика-то нет, кто её будет носить! А мне положено, я инвалид первой группы!

– Ты не толкайся, чёрт хромой, чтоб у тябе втора нога отвалилась! – не уступала бабка.

– А ну расступись! – вышел вперёд тракторист Рожанов. – Эта кофта по праву должна принадлежать мне. – И он вывалил на прилавок целую горсть орденов и медалей, понятно стало, зачем он бегал домой.

– Чой-т тебе?! А почему не мне? – возразила многодетная мать Аротанова и высыпала на прилавок кучу свидетельств о рождении своих детей.

– Дык кофта одна, а детей у тебя десять, кто носить-то будет, перебудутся из-за неё, – съязвил Самошкин.

– А ет не тваво ума дело! – парировала Аротанова.

Обстановка накалялась, претенденты стали толкать друг друга, а Самошкин каждому из них старался наступить костылём на ногу.

«Где же Горохов?» – подумал Пётр Петрович, и, прямо как на его зов, в кабинет вошёл участковый. А так как он был высок и широк в плечах, все расступились, но толкать друг друга не перестали.

«Ну слава богу! – подумал Неугомонный. – Сейчас Михаил Михайлович наведёт тут порядок».

Но, к его великому удивлению, участковый вдруг заявил:

– Всё, граждане, кофта моя, чем я хуже других, я и в Афгане был, ранение там получил!

– Ах, штоб табе, вон она для кого на вокно было уложено! – завопила бабка Кузьминишна. – Сгаварилися, дьяволы, ну нет, со мной така афера не пройдётъ, еду в рыйён.

И тут, видя, что помощи в решении этой проблемы ждать не от кого, Пётр Петрович громко произнёс:

– Граждане, вы что, совсем совесть потеряли, вот бы сейчас нас увидели капиталисты, они

бы не только кофты, но и портянки драной больше не прислали! – И, видя, что граждане не торопятся искать потерянную совесть, неожиданно даже для себя предложил: – Давайте тянуть жребий, кто вытянет призовой, того и кофта.

Сразу наступила тишина.

– Как же мы сразу до этого не додумались? – саданул об пол костылём Самошкин.

Раскручивать «рулетку» взялся Горохов. Достал коробок спичек, отломив от одной из них половинку, зажал их в своих огромных пальцах.

– Кто вытащит короткую, того и выигрыш, – в надежде на свой успех произнёс он.

Первым потянул удачу Самошкин:

– Ах, чтоб тебя!.. – саданул он ещё раз костылём об пол и со слезами на глазах выскользнул за дверь.

Вторым испытывал счастье тракторист Рожанов. Он долго перебирал верхушки спичек, зажатые в пальцах участкового, затем закрыл глаза и дёрнул крайнюю справа. Не открывая глаз, оцупал пальцами спичку и со словами «нет в жизни счастья» покинул помещение, прихватив с собой пищевой набор.

Многодетную мать Аротанову фортуна тоже обошла стороной, и она, выбрав из шмоток десять нательных принадлежностей и три продуктовых набора, с сожалением посмотрела на кофту и покинула кабинет.

«Так, удача всё ближе», – думал Горохов, ему-то было известно, какая спичка осчастливит своего владельца. Оставалась бабка Кузьминишна. Она внимательно, приблизив лицо к самой руке участкового, осмотрела торчащие из пальцев концы спичек и, прочно вцепившись в левую, потянула её на себя. Горохов почувствовал, как счастье ускользает из его собственных пальцев. Он крепче сжал спички, а вдруг бабка переменит свои намерения, но не на ту нарвался, внутренним чутьём Кузьминишна поняла, что фортуна на её стороне, и с такой силой потянула жребий, что кожа на пальцах участкового задымилась.

– Есть правда на белом свете! – показывая всем кукиш, возликовала бабка. – Усё, кохта моя! – И, схватив поданную ей красоту, застучала клюшкой сначала в коридоре, а затем по крыльцу.

И тут образовавшуюся после потасовки тишину прорезал душераздирающий вопль:

– Ах, штоб вы перядохли, буржуины проклятуции, умести с ентою министрацией!!!

Все высыпали на крыльцо, напуганные воплями бабки, думая, что она с радости поторопилась и сломала себе ногу. Но удивленное у некоторых вызвало улыбку, у других недоумение, нашлись и такие, на лицах которых застряло злорадство: бабка, размахивая клюшкой и громыхая сапогами, необычно быстро удалялась прочь, а на заборе висела кофта, переливаясь в солнечных лучах всеми оттенками синего цвета. На груди её зияла дыра величиной с кулак участкового, а правый рукав до локтя был оторван. Видно, на одном из пересыльных пунктов завёлся ловкий хищник...

Событие четырнадцатое Ложный вызов

1

Был солнечный летний день, время к обеду. Пётр Петрович совсем уж было собрался идти перекусить, но тут в коридоре послышалось шарканье, и в открывшуюся дверь быстро, насколько это может сделать пожилая женщина, вошла Алексеева Наталья Петровна, бывшая птичница. Она тихонько, не ввязываясь ни в какие распри, жила на окраине села.

Сейчас женщина была встревожена, её глаза застилала слёзы.

– Что случилось, Наталья Петровна? – спокойно спросил глава.

– Петрович, ограбили меня, пришли какие-то ироды и вынесли всё, пока я была в огороде, – поведала пенсионерка. – Мне кажется, они до сих пор в стайке сидят. Пойдём ко мне, посмотришь.

– Какие ироды? – ошарашенный услышанным, спросил Неугомонный. – Я сколько здесь живу, никого ещё ни разу не грабили. Да и братья у тебя нечего.

Но услышанное его не на шутку растревожило, и он, поднявшись, сказал:

– Ладно, ты иди домой, а я сейчас захвачу с собой участкового и тоже подскочу к тебе.

– Михаил Михайлович, у нас ограбление, быстро собирайся, пойдём, – открыв дверь в кабинет участкового, выпалил он.

– Какое ещё, к дьяволу, ограбление? Ты, Петрович, случайно вчера горькую не употреблял? – не принял всерьёз известие участковый.

Но, услышав об Алексеевой, заметался по кабинету:

– Вот чёрт, а у меня пистолета нет, надену хоть портупею с кобурой.

– Ты ещё бронжилет натяни, – съязвил Неугомонный.

Не обратив на язвительный тон никакого внимания, Горохов напялил под китель бронжилет. Хотели поехать на «уазике», но вспомнили, что нет бензина, кончился лимит, который был рассчитан только на две поездки в район. Ископаемый любил проводить совещания.

Добрались пешком и, тяжело дыша от быстрой ходьбы, повисли на заборе. Прислушались: из приземистой покосившейся стайки, раскорячившейся посреди захламлённого двора, донеслись шорохи, сопровождаемые похрапыванием.

– Сволочи, ограбили и спят, видимо, пьяные, – прошептал участковый, поднимая две здоровенные палки, валявшиеся среди мусора, одну из них он подал Петру. – Ты, Петрович, встань у двери, а я полезу внутрь, как только крикну: «Бей!», лупи что есть силы гадов по голове!

Так и поступили. Неугомонный, подняв над головой дрын, застыл у входа в стайку, Горохов, сгорбившись, почти на четвереньках, иначе в неё было не войти, полез внутрь, в кромешную тьму. Он кряхтел, сопел, ругал мешавший бронжилет шёпотом, чтобы не разбудить бандитов. Наконец, послышался облегчённый выдох:

97

– Уф-ф-ф... – И тут же истошный вопль: – Ай-я-я-и-и!.. Что же ты, сволочь, ниже пояса бьёшь?! – Затем долгая возня и радостный голос: – Петрович, поймал я эту тварь, не могу разобрать, что за оружие у него, похоже одновременно на кинжал и на штопор... – И вдруг опять крик: – Петрович, бей, он к тебе рванулся!

Неугомонный замер в ожидании врага. Что-то серое мелькнуло в проёме двери, и он изо всех сил саданул дрынком поверху, тут же сам взвыл от боли, получив сногшибательный удар ниже пояса. Схватившись за место боли, он упал. Над ним с громким треском пролетела серая тень. Выскочивший наружу Горохов замахнулся дрынком, да так и замер с открытым ртом: глава перекатывался по грязной земле, а у стайки стоял здоровенный козёл, который не мог двинуться с места, так как его винтообразные рога застряли в пробитых им же досках.

Долго, постанывая, стряхивали они с себя налипший мусор, стыдясь поглядеть друг другу в глаза, и вдруг оба схватились за животы, неудержимо хохоча.

– Изловили разбойников! – повизгивая сквозь хохот, издавал восклицания Горохов.

– Да, укатал нас бабушкин козлик! – вторил ему Неугомонный.

Отсмеявшись и договорившись никому об этом случае не рассказывать, они проследовали в дом.

2

Там царила идеальная чистота. В горнице были выставлены на столе квашеная капуста с постным маслом, огурчики, помидорчики, пирожки и прочие яства, а посредине возвышалась литровая бутылка с красивой иностранной этикеткой. За столом, смущённо опустив глаза, сидела хозяйка.

Увидев столь высокое начальство, Наталья Петровна встала навстречу дорогим гостям и, узрев их строгий взгляд (она же не догадывалась об их встрече с её любимым козлом), совсем смутилась и залепетала:

– Вы уж простите ради Христа старуху, наврала я вам, никто меня не грабил.

– Да мы уж в этом убедились, – сказал, почёсывая саднящие места, участковый.

– Одна я всё время, старик умер, дети разъехались, живут далеко, зовут к себе, но мне уезжать не хочется, вся моя жизнь здесь прошла, уеду – сразу помру от тоски. Нашло на меня сегодня, детки вы мои, захотелось с кем-то умным поговорить, рассказать о своей нескладной жизни. Вот я и обманула тебя, Петрович, так бы просто ты не пришёл.

Мужики, обманутые ею и избитые козлом, зашли в дом с твёрдым намерением устыдить пенсионерку. Но, услышав речь Натальи Петровны и увидев слёзы на её глазах, да ещё такой стол, сразу обмякли душой и телом.

Иностранная этикетка была для вида, сосуд хранил родной, горёвский пятидесятиградусный самогон. Выпили по стопке, закусили, и потекла беседа. Но то, что рассказала Наталья Петровна, затронуло гостей до глубины души.

– Я ведь, ребята, замужем была два раза, – начала пенсионерка. – В тридцать четвёртом вышла замуж за местного кузнеца, Дмитрием его звали, хороший был мужик, добрый, а здоровый как конь, колесо железное заднее от трактора «Фордзон» на вытянутых руках поднимал. Народили мы с Дмитрием ребёночка, Федей назвали. Всё было хорошо, а тут тридцать седьмой год, народ московский и ленинградский вагонами в нашу Сибирь везли. Да всё в тюрьмы и лагеря, понастроили этого добра, куда ни пойдешь, везде колю-

чая проволока. А мой Дмитрий по доброте душевной возьмёт как-то и скажи: «Вот изверги, за что над людьми издеваются!» Сказал-то это в кузне, их там трое было: он, бригадир да молотобоец. Кто донёс? Неизвестно. Но через два дня ночью к нашему дому подкатил «воронок», посадили моего Дмитрия Сергеевича в него и увезли неизвестно куда. Думала, Сибирь, куда ещё везти, определят где-нибудь недалёко, передачи буду носить. Нет, увезли куда-то, и ни слуху и ни духу по сей день, уже шестьдесят годков прошло.

Осталась я одна, с маленьким ребёночком на руках, – продолжала хозяйка, – а в колхозе работать надо, в то время никаких отпусков по уходу за детьми не было. Не вышел на работу – первый раз предупреждение, не вышел ещё, можешь в лагерь загреметь, вот я и перебивалась по старухам, сегодня одной отдам Феденьку, завтра другой. Жить было голодно, завела я себе пять курочек, а кормить-то чем-то надо, вот я однажды сдуру в сапоге с килограмм пшеницы и попыталась унести, на току работала. Да, видно, по моим ужимкам, оглядывалась всё время, бригадир-то и определил, что я расхититель социалистической собственности, как потом зачитал прокурор на суде. Дали мне три года, Феденьку соседка забрала и ухаживала за ним, как за родным. Я, когда вернулась из лагеря, при встрече с ней как на икону на неё молилась, она уже стороной меня стала обходить, царство ей небесное, умерла в войну от непосильного труда, я и сейчас, когда в церкви бываю, за упокой души её свечку ставлю.

В сорок первом году повстречала второго своего мужа, Алексея, трактористом работал в соседнем колхозе. Тогда ведь бабы, имеющие детей, на танцы не ходили, а он меня увидел раз на мельнице (привозил зерно молотить) и через месяц заслал сватов. У меня один сын на руках, а у него-то оказалось двое, жена тоже за два килограмма пшеницы пять лет лагерей получила, да там и умерла. Пожились, полна горница детей, его-то дети старше моего, один на четыре года, другой на восемь, но жили дружно, некогда было распри разводить, работать надо было, а тут война.

Забрали Алексея на фронт. Видимо, он там храбрым был, письма редко приходили с фронта, но как только я письмо получала, он мне писал, что наградили медалью или орденом. А в сорок третьем получила письмо необычное, раньше приходили треугольные, а это квадратное, смотрю – в нём фотография, помятая, правда,

письма-то в мешках доставлялись. Но различить человека хорошо можно, а я его не узнала, сидит исхудавший, седой, вся грудь в орденах и медалях, на плечах погоны капитана, он в разведке служил, но писать об этом нельзя было, и я узнала уже всё после войны, в сорок шестом году.

– Почему в сорок шестом? Война закончилась в сорок пятом, – спросил Пётр Петрович.

– А потому, что Алексей мой в сорок четвертом году в плен попал. Уже был майором, пошли в разведку и попали под миномётный огонь, его контузило, а немцы подобрали и отправили в рабочий лагерь. В то время у них не хватало рабочих рук, и они обращались с пленными не так жестоко, как в начале войны. Освободили его американцы и домой отпустили только в сорок шестом. Пришёл, сообразили мы на радостях ещё одного сына. Только он родился, вызвали моего мужа в органы и арестовали. После недолгих разбирательств дали ему десять лет лагерей.

– За что? – возмутился Горохов. – У человека вся грудь в орденах, а его под арест!

– За то, сказали, что не нужно было работать на немцев. Офицеру надо было или застрелиться, или повеситься.

Вытерев слёзы, Наталья Петровна вновь наполнила свою рюмку и стаканы гостей.

– Выпьем за упокой души моего мужа Алексея, – предложила она и была единогласно поддержана.

– Он что, умер в лагере? – спросил Пётр.

– Да нет, как только в пятьдесят третьем умер Сталин, его освободили. Умер он пять лет назад в собственной постели, старые раны не дали ему пожить дольше.

Перед уходом от Натальи Петровны Пётр Петрович, растроганный её рассказом, поклонился хозяйке в ноги и сказал, чтобы она в любое время, не стесняясь, заходила в его кабинет.

– Вот ты скажи, Горохов, что у нас за народ? – спросил Неугомонный, когда вышли на улицу. – Сколько хороших людей погубил Сталин, а они, как чуть что, подавай им Сталина, сами напакостят, как коты, а для наведения порядка им нужен тиран. Неужели жить под постоянным страхом, что за тобой сейчас придут, кому-то нравится? Или они думают, что за другими придут, а за ними нет?

Захмелевший Горохов по привычке потянулся за пистолетом, но, не обнаружив на месте кобуры, махнул рукой и ничего не ответил. Да и вряд ли кто знает ответ на этот вопрос.

Вот живёшь-живёшь, ни о чём таком крамольном не думаешь. Красота! И вдруг тебя начинает грызть червь сомнения: а зачем ты живёшь? Кому от этого польза? И он, этот червь, до того к тебе привяжется с глупыми вопросами, ну просто деваться некуда.

Вот это самое и случилось с Неугомонным. А всему виной День Победы, самый дорогой праздник для российского человека. Ко Дню Победы президент страны присылал каждому фронтовику медаль и денежную помощь, от губернатора приходил подарок с поздравительной открыткой. Глава района, так как у него денег не было, отправлял только открытку. А глава местной администрации, несмотря на то что деньги, потраченные на все подарки и открытки, изымались с местных территорий, не мог преподнести ветеранам ничего. И вся его заслуга сводилась к тому, что он исполнял роль почтальона, разославшего все указанные выше отправления.

И после праздника по селу то там, то здесь раздавались хвалебные речи в адрес президента, губернатора и даже главы района:

– Вот какую медаль мне президент оторвал!

– Губернатор-то такой подарок отмочил, ну просто загляденье!

– А этот, районный-то, прислал какую-то паршивую открытку, ну да хрен с ним, не забыл – и то ладно.

А про местного главу никто и не вспоминал. И до того стало обидно Петру Петровичу за такую несправедливость, что он поклялся сам себе всё исправить. И к очередному Дню Победы решил внести достойный вклад в дело прославления героического подвига ветеранов села Горёвка. Денег-то для этого нужно было не так и много, ветеранов осталось семь человек.

Собрал в кабинете местных предпринимателей. Для начала решил произнести пламенную речь:

– Уважаемые предприниматели села Горёвка, знаете ли вы о том, сколько жизней было отдано нашими земляками и сколько пролито крови для того, чтобы в нашем селе стояли ваши ларьки и палатки, а не немецкие?..

Никто не знает, сколько бы ещё продолжалась эта агитационная речь, если бы предприниматель Головченков не прервал её, он имел

три магазина, считался самым богатым и мог себе позволить дерзости:

– Слушай, Пётр Петрович, кончай агитацию, говори, что ты хочешь, купеческое время дорого.

– Так вот, скоро Девятое мая, и я хотел бы от вашего имени поздравить фронтовиков.

– А мы тут при чём? – загалдели со всех сторон «купцы». – Поздравляй, мы тебе мешать не будем.

– Так сухая ложка рот дерёт, – прижатый к стенке догадавшись, что от них надо, предпринимателями, попытался отшутиться Неугомонный. – Не мешало бы её смочить.

– Петрович, сколько можно, ты и так все жилы из нас вытянул. На краску в школу дай, на стекло в садик дай, на ограду в клуб дай. Имей совесть, мы налоги платим исправно.

Они ещё долго шумели, стараясь перекричать друг друга, Пётр Петрович им не мешал, он присел на стул и молча ждал, когда выйдет весь пар. Накричавшись вволю, предприниматели притихли, и тогда встал самый сговорчивый из них, Курилин:

– Давайте, уважаемые, скинемся. Пётр Петрович, он, как банный лист к одному месту, если привяжется, не отстанет, да и не для себя же он просит, для наших же дедов и отцов. Говори, Петрович, сколько надо?

Скинулись по триста рублей (в то время это были ещё неплохие деньги).

Обрадованный Пётр Петрович поехал в район и купил всем фронтовикам часы «Победа», специально выпущенные к празднику. И ещё остались деньги на хороший обед.

Девятого мая фронтовики, подвыпив за праздничным столом и получив подарки не только от губернатора, но и от местной администрации в лице Петра Петровича, не скупилась на благодарственные слова и в его адрес.

«Ну наконец-то и моя доля в их радости появилась», – думал довольный глава.

Но радовался он рано, всё испортил ветеран Брагин. Он в школу к праздничному столу не пришёл. Брагин любил выпить, и не только выпить, а напиться до поросычьего визга. И на сей раз он загулял за три дня до праздника, напился и лежал дома на полу. Иногда ему виделся бой, он соскакивал и, взмахивая рукой, в которой как бы зажата граната, кричал:

– Не подходи, гады! Всех уложу!

Бывают разные фронтовики, но не нам судить их... Брагин и не видел, как домой ему при-

несли медаль и подарок от губернатора, а часы Пётр Петрович решил вручить ему лично.

Рано утром Брагин поднялся и двинул в ларёк, похмелиться. Купил он, значит, шкалик водки и только хотел опрокинуть его в рот, продавщица спрашивает:

– Фронтовик Брагин, а ты получил часы «Победа» в администрации или нет?

– Отстань, у меня голова болит! – отвечает ей Брагин, а сам думает: «Вот Петрович, гад, заныкал подарок от губернатора!» – И припустил бегом в администрацию, прямо в кабинет главы.

– Слушай, Петрович, – дышит перегаром Брагин, – отдавай часы, которые мне губернатор прислал!

– Почему это губернатор? – вылупил глаза тот. – Эти часы вам дарит сельская администрация, дорогой вы наш фронтовик товарищ Брагин. – И вынимает часы «Победа» из кармана.

– Не бреш! – бесцеремонно заявляет Брагин. – В твоей администрации нет денег, чтобы дорогие часы покупать. И зачем, скажи на милость, ты мои часы в свой карман запихал, стибрить хотел?

100 Пётр растерялся от такого хамства, покраснел и, кое-как вручив часы Брагину, выпроводил того за дверь.

Примерно через час Неугомонный шёл по делу в детский сад. У ларька он услышал, как Брагин, еле ворочая языком, показывая на него пальцем, говорил своим собутыльникам:

– Вон Неугомонный попёрся, часы мне губернатор прислал, а он хотел их стибрить, я эти часы прямо у него из кармана вытащил!

«Вот и вся благодарность», – подумал Пётр Петрович.

2

И тогда Пётр Петрович решил пойти другим путём. В селе, кроме ветеранов-фронтовиков, проживали ещё десяток вдов, мужа которых были фронтовиками. И Неугомонный решил плоды благодарности собрать через них. Пригласил к себе председателя совета ветеранов Авдеева Степана Ивановича, бригадира пенсионной стройбригады Виктора Петровича и обратился к ним с просьбой:

– Уважаемые ветераны, а давайте мы окажем посильную помощь старушкам-вдовам, у многих на их усадьбах повалилась ограда, у некоторых крыши текут, да мало ли ещё что нужно

отремонтировать. Я договорюсь с материалами, а вы поможете в меру ваших сил с ремонтом.

Приглашённые дали согласие, и даже с большим воодушевлением. Но вдруг Виктор Петрович заявил протест:

– Ты извини, Пётр Петрович, но к Кузьминишне мы не пойдём.

Как оказалось, эта вредная старуха тоже была вдова фронтовика.

– Почему? – опешил Неугомонный.

– Потому что она потом всем будет рассказывать, что мы ничего не умеем, что толком ничего не сделали, а только выпрашивали самогон. Что хочешь делай, а к ней мы ни ногой.

– Ладно, делайте у других – и за это большое спасибо, – согласился глава и подумал: «Пойду сам поправлю ей оградку, может, и спасибо скажет, по селу всем разнесёт, она бабка болтливая, всё же какая-никакая, а благодарность».

И в намеченный день, взяв дома ящик с инструментами и гвоздями, Пётр Петрович подался к старенькому дому Кузьминишны, необходимые материалы мужики доставили накануне. Увидев Неугомонного с инструментами, бабка удивлённо вылупила глаза:

– Неушто сам ряшил заплот ремантировать, щёголь, а ты хуш молот-то в руках умешь дряжать? Смори, испортишь древесину, поеду в рыйон с жалобой!

– Не бойсь, бабка, – бодро ответил Петрович, – я же не всю жизнь в конторе просидел. Ты бы лучше шла блины печь, забор починим, перекусим.

– Можа, табе ящё самогону напузырить? – ехидно спросила бабка.

«Съел блинков, чуть не подавился», – подумал Пётр Петрович и с остервенением начал раскидывать гнилые жерди.

Бабка не уходила, внимательно наблюдая за действиями «щёголя», как бы чего не натворил непотребного. Пётр Петрович почти без отдыха уже заканчивал работу, всё ещё надеясь на бабкину благодарность, когда подошла соседка, заинтересованная происходящим:

– Кузьминишна, а чой-то тебе ограду сам глава ремонтирует? – донеслось до Неугомонного. Ответ бабки сразил его наповал.

– Дык вот губернатыр яму наказал: если заплот Кузьминишне не починишь, с работы сыму, вот он и стараица, вишь, как употел, не отдыхат дажа. Любит у канторе сядеть, боица, што с работи сымуть.

Пётр Петрович забил последний гвоздь, зло про себя матюгнувшись и, не оглядываясь, пошёл от дома злостной старухи.

– Эй, щёголь, а самогоночки не хошь рази? – ехидно бросила вслед бабка.

«Подавись ты своей самогонкой!» – подумал вконец раздосадованный Пётр Петрович. И так ему вдруг от обиды захотелось выпить, что, спрятав в крапиву ящик с инструментами, он свернул в проулок, по которому можно было напрямую дойти до магазина. Ещё был обеденный перерыв, на крыльце толпилось много народа, и, подойдя к магазину сбоку, он решил пока на народ не выходить.

Услышав своё имя, произнесённое в очереди, Пётр Петрович прислушался:

– Дал бог нам главу администрации, везде порядок навёл, – произнёс женский голос.

– Да и пенсионерам помогает по мере сил, – подхватил другой.

– А как он этим вороватым козлам хвост закрутил! – восхищённо сказал мужской.

– В других сёлах говорят: «Нам бы такого главу», – это был голос председателя совета ветеранов.

У Петра Петровича перехватило дыхание, на глаза навернулись слёзы, он тихонько, чтобы никто не услышал, отошёл от магазина и быстро зашагал в сторону своего дома.

«Да, какой же я глупый: оказывается, не та благодарность, про которую кричат, получив подарок, а та, которая глубоко хранится в сердцах людей, безошибочно определяющих, что ты за человек и достоин ли ты их благодарности», – подумал Пётр Петрович и горькую пить не стал. Ни к чему!

ЭПИЛОГ

Как так получилось, что какой-то паршивый Маратка Ильдусов разорил Горёвку до основания? Оставил людей без работы, а некоторых без пенсии. Где были районные и областные руководители? Неужели никто не видел, что творит этот прощельга? Зачем их тогда выбирали? Не за шифер же и баранки, а надеялись на их ум, честь и совесть. А они, оказывается, просто сидели и протирали свои китайские штаны.

Пётр Петрович видел, к чему ведёт безумное управление производством Маратки, и вместе с Божковым ходил по инстанциям, бил в колокола. Их успокаивали, всё, мол, происходит под их неусыпным контролем, намекая на то, что дело-то

теперь не ваше, валите и не суйте свои носы не в свои дела. А один областной вождь прямо заявил:

– Господин Божков, не думай, что ты самый умный, таких управленцев, как Ильдусов, надо ещё поискать. Это отличный хозяйственник, который добьётся высокого подъёма производства!

Добился – разорил птицефабрику и смылся.

Мы уже останавливались на том, что Неугомонный и Ископаемый не сошлись характерами, и неуступчивый Пётр Петрович попал в немилость на почве земельного конфликта.

Новым яблоком раздора стала бесхозная электроподстанция (попросту – трансформаторная будка) в Горёвке. Как так получилось, что эта будка не имела своего хозяина, никто до сих пор не знает. Энский энергосбыт от неё отказался, птицефабрика во главе с Мараткой – тоже. Казалось бы, отказались – и дьявол с ними, но беда в том, что через этот трансформатор получали электроэнергию жители трёх улиц в Горёвке, кроме того – детский сад, школа искусств, библиотека и сельская администрация. А за электроэнергию нужно было куда-то платить. Но оплату не принимали ни энергосбыт, ни птицефабрика – ведь трансформатор им не принадлежал.

В результате набралось не менее дюжины письменных отказов. С помощью юриста районной администрации Неугомонный подготовил акт и договор, по которому сторона, отказавшаяся принять оплату за электроэнергию, в дальнейшем не имела права предъявлять какие-либо претензии к потребителю.

В один из дней Неугомонного срочно пригласили в районную администрацию. Зайдя в кабинет, он увидел представителей энергосбыта и Ископаемого, которые мирно вели беседу, мило улыбаясь друг другу.

– Неугомонный, ты подтверждаешь сумму долга за использованное электричество? – спросил глава района.

А сумма за несколько лет сложилась приличная. С бюджетных учреждений – около миллиона и столько же с частных лиц.

– Да, подтверждаю, – ответил Пётр Петрович.

– А как же ты собираешься её выплатить? – последовал новый вопрос.

– Никак!

– Ты что, сегодня выпил, что ли?! – возмущённо воскликнул Ископаемый.

Представители энергоснабжения насторожились.

– Платить мы не будем, – снова сказал Неугомонный и положил на стол подготовленные документы.

Ознакомившись с ними, представители заскучали, перестали мило улыбаться, и дальнейшая беседа не клеилась.

«Что, съели? – подумал Пётр Петрович и единственный в данном кабинете улыбнулся. – Ну вот, сейчас наконец-то шеф оценит мои действия положительно».

Но шеф повёл себя как-то странно, потупил взор и с глубокой ненавистью посмотрел на Петра Петровича из-под насупленных бровей. Энергетики распрощались и вышли, вместе с ними вышел и Неугомонный.

– Вы что, вместе никогда не собираетесь, что ли? – спросил один из хозяев света у него.

– Почему вы так решили?

– Потому что ваш районный глава не знает о существовании этих бумаг.

– Не может быть. Этот акт мы готовили вместе с его юристом, он не мог не сказать Ископаемому об этом, к тому же печать на акте районная. А почему вас это интересует? – в свою очередь спросил Пётр Петрович.

– Так он согласился уже выплатить всё. А ты его поставил в неловкое положение.

Теперь Пётр Петрович понял, почему неласков был взор шефа, и ждал ответного удара с его стороны.

Ждать долго не пришлось, наутро раздался телефонный звонок, и в скрипучем голосе Ископаемого послышалась угроза:

– Ты что, самый умный, что ли? – И сразу, не дожидаясь ответа, последовал приговор: – Но ничего, ты допрыгался, ждать осталось недолго!

И, действительно, всё произошло скоро, неожиданно и мерзко. Приближались выборы глав местного самоуправления. Пётр Петрович начал готовиться к ним, помогала ему специалист первой категории Власова. Пётр доверял ей как себе. Обговорили предвыборную программу, все нюансы возможных препятствий на пути к избранию и прочее, прочее. Оставалась неделя до начала предвыборной агитации, и тут произошёл такой поворот, что у Петра Петровича закружилась голова.

Он сидел в своём кабинете. Вдруг дверь открылась, и вошёл Ископаемый.

– Ты на выборы не идёшь! – с порога заявил он. – Ты пойдёшь ко мне заместителем!

– Каким заместителем? – ошепшил Неугомонный. – Мы за всё время совместной работы не сказали друг другу ни одного доброго слова. И как будет выглядеть моё замещение? Через неделю одному из нас нужно будет уходить, естественно, не тебе. А потом, что же, я буду каждый день ездить на работу за тридцать километров? На Рыжке, что ли?

– Ничего и слышать не хочу, сказал, будешь заместителем, значит будешь! – ещё раз твёрдо заявил Ископаемый и покинул кабинет.

«К чему вся эта комедия?» – недоумевал Неугомонный.

Но вторая часть этой комедии повергла Петра Петровича в шок. Оказывается, его верная помощница Галина Васильевна втихаря встретила с Мараткой Ильдусовым и его сообщником Ископаемым, и они уговорили Власову стать главой Горёвки.

– А куда Петра Петровича? – спросит читатель. – Неужели в заместители?

Нет, мой читатель. Пётр Петрович по этому поводу решил посоветоваться со своим старым другом Рыжкой. Когда он рассказал ему всё, мерин захохотал, а может, заржал, и тут Неугомон-

ный заметил, что у его друга осталось всего три зуба, и ему так стало жалко коня, что он чуть не заплакал.

– А ты-то лучше меня, что ли? – видя, как опечалился Пётр, сказал Рыжка. – Какие уж нам заместители, я и за три дня теперь до районной администрации не дойду.

И отправили Петра Петровича совсем в другое место.

– Куда?

Пока не скажу, возможно, на том попроще родится другое повествование, не сатирическое, а юмористическое, уж в том месте юмора достаточно – на три книги. Но об этом как-нибудь после...

Утешение Пётр Петрович находил в том, что из Власовой Галины Васильевны получился хороший глава Горёвской администрации.

А вот после неё главой стал бывший участковый Горохов Михаил Михайлович, чёрт его туда понёс, не иначе. Хороший был мужик, нет, надо было сесть не в свои сани. При решении каких-то проблем он, как всегда, хватался за кобуру, в которой не было пистолета, затем махал рукой и успокаивался, а проблемы оставались. Ну да таких глав по области полно, не он один.

